

Эльдар Саттаров

ТРАНЗИТ

Сайгон-Алматы

Финалист
Нацбеста!

Эльдар Саттаров
Транзит Сайгон – Алматы

«Selfpub.ru»

2015

Саттаров Э.

Транзит Сайгон – Алматы / Э. Саттаров — «Selfpub.ru»,
2015

«Плотный, энергичный текст, сочетающий элементы документального репортажа, соц. реалистического романа, кровавого треша и фэнтези. К тому же любовно и со знанием дела стилизован автором под позднесоветский дискурс во всех его проявлениях от передовиц газеты «Правда» и фельетонов «Крокодила» до ЖЭКовских политинформаций, сочинений провинциальных отличниц и народных анекдотов про политиков». поэт Всеволод Емелин о романе “Транзит Сайгон-Алматы”

© Саттаров Э., 2015

© Selfpub.ru, 2015

ТРАНЗИТ САЙГОН-АЛМАТЫ

«Вот джунгли расступились перед нами,
А в небе показался вертолёт.
Мы знали – эта чёрная машина
Несёт на нас морской пехоты взвод...
Восток! Восток! Я «Гранит-четыре», вызываю огонь на себя!
Ответите за Кубу, Гренаду и Анголу, а я вам отвечу за Вьетнам!»

(песня «Восток! Восток!» группы «Жантик-бэнд»,
слова Жантемира Баймухамедова (с) Алматы 2011)

Все события, описанные в данном романе являются плодом либо творческой фантазии, либо художественного преломления и не претендуют на достоверность.

Иллюстрации Андреа Рокка

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог	2
Часть I. <i>Революция</i>	4
Часть II. <i>Война</i>	44
Часть III. <i>Вёсны и осени</i>	90
Эпилог	129

ПРОЛОГ

В нашей жизни встречаются люди, которые становятся нашими спутниками навсегда, потому что о них сложно забыть. После встречи с вьетнамцем Туаном, я понял, что знакомства с такими людьми, с которыми судьба порой сводит нас снова и снова на разных отрезках нашего пути и на разных витках развития общества, обладают неким глубоким символическим значением, приближающим нас к постижению неуловимой сути. Помимо дружбы, симпатии или привязанности, вызываемой в нас такими людьми, с течением времени всё более чётким становится осознание философской ценности таких встреч – ведь у каждого из таких, особенных людей своя, неповторимая история, бросающая свет на тот или иной, доселе скрытый, аспект бытия.

Этой весной я наведаясь в Алматы, чтобы повидаться с братом. Повод был очень радостным – вняв уговорам семьи, к которым я нередко добавлял свои веские, порой непечатные аргументы, он, наконец, решил закодироваться от хронического алкоголизма. Более того, буквально в течение нескольких месяцев после этого он завершил работу над магnum opus всей своей творческой биографии – симфонией «Радость жизни», над которой работал без малого четверть века. В тот мой приезд работа его была в самом разгаре. С утра я ездил по городу, занимался своими делами, встречал старых друзей. По вечерам мы прогуливались с моим братом, Булатом, по его району. Обычно мы выходили из «Дома композиторов», переходили аллею, старательно перепрыгивая через мутные озёрца талой воды, и выходили на площадь Кунаева, где под раскидистыми елями собиралась тусовка, таких же «шалов», пенсионеров, как и мы сами.

В тот памятный вечер, когда мы подходили к насиженной скамеечке, там уже наблюдались новые лица. Такие же седые коренастые «агашки», как обычно, в одинаковых чёрных кепках, делились новостями, обсуждали погоду, рассказывали друг другу анекдоты и от души хохотали. Булат представил их мне: Маке, «мой коллега по литературному цеху» из дома Союза писателей напротив, Серый, «ветеран конторы, в которой бывших не бывает», и, наконец, «Туан Иваныч – наш земляк из дальних краёв». Последним персонажем оказался пожилой, очень смуглый мужчина, чьи глаза с мелькнувшим в них характерным задорным огоньком показались мне до боли знакомыми.

–

А Вы не в Плешке учились? – осторожно поинтересовался я.

–

Да-да, Малик – это я, – широко улыбнувшись ответил Туан. – Не забыл ещё Стромынку?

Как же мне забыть? На меня нахлынули воспоминания о субботнем вечере в Москве шестидесятых, когда мы, молодые студенты отчаянно выплясывали входивший в моду твист в танцзале общежития МГУ на Стромынке. Я был безумно, по уши, влюблён в однокурсницу Ядвигу из Кракова, и как раз в тот вечер, набравшись храбрости я, наконец, решился пригласить её на медленный танец. Это были головокружительные пять минут. Она так плавно двигалась, прижимаясь ко мне, что я был на седьмом небе от восторга. Ситуация начала стремительно портиться, когда я вышел покурить в перерыве между танцами. Казимир из Лодзи вышел на крыльцо сразу вслед за мной, и весьма агрессивно потребовал, чтобы я прошёл с ним во двор «для выяснения отношений по-мужски». Я согласился, и мы прошли с ним в длинный двор в форме буквы П между корпусами общежития. Каково же было моё удивление, когда я обнаружил, что в этом же тёмном дворе обреталось ещё шестеро поляков из разных ВУЗов Москвы, явно разгорячённых парами распитого здесь же «Агдама». Они все обступили меня и наперебой зачастили что-то на польском, обильно пересыпая свою речь нецензурными выражениями. Мат у них похож на русский, так что я понял, по крайней мере, то, что все они крайне недовольны мной. Если Казимир был против моих авансов в сторону Ядвиги чисто из ревности, то эти шестеро явно были вообще против любых отношений между своей соотечественницей и советским парнем любой национальности. Тадеуш в запале, даже разбил об асфальт пустую бутылку из-под «Агдама» и начал пошатываясь приближаться ко мне, выставив перед собой короткую «розочку».

–

В чём у вас тут дело, ребята? – раздался знакомый голос с едва различимым мягким акцентом, и я немедленно почувствовал определённое облегчение.

Это Туан, мой сосед по комнате, заметил моё затянувшееся отсутствие, и вышел искать меня во двор, позвав на подмогу моего земляка Ерлана и Гришу, самбиста из Харькова.

–

Всё должно быть по честному, хлопцы – авторитетно заявил Гриша полякам, и они вынуждены были согласиться.

Студенты образовали круг, в который, скинув пиджаки и засучив рукава, вышли мы с Казимиром. Тот начал прыгать вокруг меня, пытаясь изобразить танец бабочки а-ля Мухаммед Али, под одобрительный ропот земляков, я же старался ни на минуту не упускать из вида его руки, сохраняя защитную стойку и постоянно поворачиваясь корпусом так, чтоб оставаться с ним лицом к лицу. Когда он всё-таки бросился в атаку, сделал он это чисто подилетантски, начав с правой и открывшись, пытаясь свалить меня ударом в челюсть. Здесь его и ждал мой коронный апперкот. Я уложил его одним ударом в подбородок – это был мой фирменный апперкот, благодаря которому с детства мой авторитет на «Майкудуке», в моём родном районе, всегда только рос и укреплялся.

После того вечера, Туан, с которым мы прожили бок о бок почти четыре года, бесследно исчез из моей жизни.

–

Так какими судьбами ты здесь оказался? – спросил его я.

–

А я здесь, дорогой, уже ровно пятьдесят лет живу.

–

Пятьдесят? – я посчитал в уме и понял, что ровно столько прошло после событий на Стромынке. – Так стало быть...

–

А ты разве забыл, что именно ты мне порекомендовал этот город?

–

Кажется, припоминаю, – сказал я. – Ты ведь за несколько дней до той вечеринки спрашивал меня, куда б тебе было лучше переехать, если бы ты остался в Союзе.

–

Точно, – кивнул он. – Как видишь, я к тебе прислушался.

–

Ни за что бы не подумал тогда, что ты говоришь всерьёз, – ответил я. – Ты же так мечтал снова уехать на Родину, повидать своих родителей.

Тебе это удалось?

–

Свою мать я успел застать в живых в девяносто втором, когда смог впервые с тех пор выехать во Вьетнам, – сказал Туан. – А отца я разыскал лишь в прошлом году, когда возил жену в Париж – в этом городе я разыскал его могилу, на кладбище Пантен.

Тут уже нашей беседой заинтересовались и остальные, особенно Маке:

–

А, в самом деле, Иваныч, расскажи нам, как же у тебя так всё получилось. Никому бы такого не пожелал – при живых родителях прожить всю жизнь вдали от них. Почему так произошло? Ведь не по-людски это как-то.

–

Боюсь это долгая история, друзья, – нехотя сказал Туан. – Не на один вечер.

–

Рассказывай, Туан, – попросил Булат. – Всё равно ведь каждый вечер здесь видимся.

–

Что ж, – тяжело вздохнул он. – Ещё на Родине, сколько помню, я с детства рос в чужой семье и видел родителей лишь изредка и по раздельности. В тринадцать лет я сбежал из дома в поисках своей матери. В разгаре была война. Мой город, Сайгон, был весь в дыму и огне.

Шёл дождь...

I часть

Революция

1.

Всё началось из-за дождя. Дело в том, что у нас в Сайгоне за год сменяется всего два сезона – сухой сезон и сезон дождей соответственно. Поэтому, когда у нас заряжают дожди, то это всерьёз и надолго. Ребёнком я мог часами глазеть в окно на заливаемый тропическим ливнем асфальт, на уличных торговых, терпеливо переносящих атаки хлётко и часто строчивших с небес пунктирных нитей, сидя на корточках на тротуаре, прикрывая, свой нехитрый товар и самих себя, кто чем может – кто кусками материи, кто полиэтиленом, кто обрывками мешковины.

В сторону проспекта Катина устремлялись велорикши, привычно крутя педали своими натруженными ногами, перевозя элегантно одетых французенок с огромными зонтами и их кавалеров в щегольских тренчах в сторону увеселительных заведений городского центра или на католическую мессу в Нотр-Дам де Сайгон. Чаще всего я наблюдал за красивой сорокалетней женщиной в традиционном «ао-зае», наряде из белых брюк и длинного цветного платья с высокими разрезами до талии. Она приходила каждый вечер со стороны одного из тех ветхих домов, что до сих пор уживаются в нашем районе бок о бок с фешенебельными колониальными постройками а ля Осман. О ней говорили, что в прошлом она была дурной женщиной. Она спала с французскими мужчинами и богатыми китайцами из района Шолон, за деньги. Однажды, на Рождество она привычно вышла на заработки и наняла себе рикшу. Вдвоём они провели всю рождественскую ночь, разъезжая по улицам Сайгона в поисках клиентов. Но в ту ночь ей почему-то не везло, семейным мужчинам было явно не до неё, а всех блудливых гуляк заранее разобрали шустрые конкурентки, так что под конец ей было даже нечем рассчитаться с рикшей, ведь она хотела заплатить ему из денег, заработанных за свои невостребованные утехы. Что же касается рикши, то проведя до этого весь день в напрасном ожидании клиентов, он ухватился за эту проститутку, как за последний шанс заработать на угощение и нехитрые подарки для целой оравы полуголодных братишек и сестрёнок. Под утро, узнав, что он так и остался ни с чем, рикша остановился на набережной Сайгона, отвернулся в сторону реки, насупился и долго молчал. Потом он смачно сплюнул и, постепенно распаяясь, начал высказывать этой женщине всё, что наболело за долгие годы жизни впроголодь; всё, что лежало у него на душе. В его душераздирающих словах не было ненависти, но они были полны такой неизбывной горечи, такого опустошительного отчаяния, что всякому стало бы от них не по себе. Когда он резко обернулся, чтобы окатить её убийственным взглядом, он увидел, что женщина сжалась в комочек на сиденье и беззвучно рыдает. И тогда он взглянул на неё совсем другими глазами, и сердце его открылось новому, неведомому до тех пор чувству. Внезапно ему непреодолимо захотелось увести эту женщину с панели, чтобы заботиться о ней и сделать её счастливой.

С тех пор как они поженились, она каждый вечер выходит на один и тот же угол, и может стоять там и ждать часами. Ближе к ночи рикша приезжает на этот угол после рабочего дня, утомлённый, но странно довольный. Говорят, она стала очень верной женой.

Я привык так подолгу сидеть у окна и наблюдать за прохожими и жителями квартала, потому что однажды, глядя именно в это окно, я увидел, как к дому, в котором я жил, идёт мой отец. Он был в белоснежном костюме и белом канотье из кокосовой соломки с чёрной шёлковой лентой. Он шёл медленно, но решительно, слегка помахивая тростью и смотря прямо перед собой. Я уже слышал до этого, что он многого добился в Париже, стал успешным адвокатом и открыл там своё дело, приносившее ему свыше восьмидесяти тысяч франков годового дохода. Я помню, как потом они очень долго о чём-то говорили с дядей Намом на кухне, но, хотя под конец они начали говорить довольно громко, их слова всё равно тонули в шуме вентилятора и криках соседей, устроивших в своём дворике петушинные бои. Я различил только последнюю фразу, когда входил к ним. Я чётко помню, как дядя Нам не терпящим возражений тоном выкрикнул моему отцу: «Если я позволю тебе увезти Мишеля во Францию, красные из Вьетмина рано или поздно обязательно придут за мной, и тогда мне конец!». Мишель это я. Нас всех крестили по римско-католическому обряду и давали французские имена при рождении. Под «нами» я имею в виду состоятельную прослойку городских жителей из моего района, особенно католической конфессии. Их дети ходили во французские школы наравне с детьми из колониальных семей, прибывших из далёкой метрополии. Потом они, как правило, уезжали учиться в парижские университеты и зачастую так и оставались в столице. Как мой отец. Когда он увидел меня, он резко встал, подошёл ко мне, присел на корточки, взяв меня за обе руки, и долго с какой-то обречённой нежно-

стью смотрел на меня. В его взгляде было что-то пугающее, и мне стало не по себе. Тогда он неловко погладил меня по щеке, всучил леденец, вскочил, нахлобучил своё канотье, подхватил трость и стремительно вышел на шумную и знойную улицу. Дверь захлопнулась за ним, и в доме опять стало тихо. Даже соседи уже уgomонились. Я тогда не знал, что больше никогда его не увижу. Он же, я думаю, вполне хорошо это осознавал.

2.

Моя мать происходит из старинного землевладельческого рода, чья генеалогия восходит к героям поросших былью сказов о феодальных битвах между кланами Чанов и Нгуенов, поделившими между собой весь Индокитайский полуостров в Средневековье. На мою беду она выросла очень красивой девушкой, ярко блиставшей в высших кругах кошиншинского общества, не оставляя равнодушным ни одного из окружавших её мужчин, совершенно избаловавших её своим вниманием и льстивыми комплиментами. Нравы местной аристократии к тому времени уже совсем не отличались от придворных нравов метрополии времён Галантного века. Она оставила моего отца ради дяди Нама, точно так же как теперь она оставила дядю Нама ради видного революционера, одного из лидеров движения Вьетминь, с которым она теперь скрывалась в джунглях. Поэтому сейчас, в этот дождливый день я и торчу здесь у окна, совсем один, и никому нет до меня дела. В один из таких дождливых дней я сбегу к ней, в джунгли.

Сколько я себя помню, я всегда бредил джунглями. В моих представлениях они всегда были ближайшим синонимом буйства жизни – ведь там всё растёт очень густо, цветёт очень пышно, размножается очень быстро. Когда я впервые выбрался в джунгли, там всё так и оказалось! Бродя по лабиринту еле заметных тропинок, я оцарапал там ногу о куст, и рана не заживает до сих пор. Это была моя первая в жизни вылазка в джунгли. Они начинаются совсем недалеко от окраины города, сразу после тянущихся вдоль шоссе рисовых полей и тенистых каучуковых плантаций. Никто из взрослых не знает об этой моей вылазке. Сбежав со школьных занятий, я приехал туда из города утром на своём любимом велосипеде, с которым никогда не расставался в те дни. И всё утро я бродил среди густых зарослей в одиночестве, зачарованный, затаив дыхание.

Сегодня, когда мы шли из школы с Софи, моей названной сестрой, и старшеклассником Рене, её ухажёром, я рассказал им по секрету об этой своей вылазке. Рене отругал меня. Он сказал, что я мог попасть на минное поле, или под французскую пулю. «Нельзя туда соваться без партизанских проводников», сказал он мне, «да и нечего тебе там делать, слишком мал ты ещё». Я ничего ему не ответил, но про себя подумал, что хоть я и мал, зато у меня хватило смелости выбраться туда самому. Рене парень серьёзный. Он уверен, что когда-нибудь станет партизанским командиром, а сам ещё ни разу в джунглях не был, боится. А я был. Там ощущался совершенно особый запах. Пахло победой. Победой жизни над смертью.

«Представь себе, что тебя бы там схватили и отвезли в Сюртэ», не унимался Рене. Представлять, честно говоря, неохота. «Если тебя забрали в Сюртэ, тебе капут», как любит говаривать дядя Нам, и он прав, тут уж ничего не попишешь. Когда человека привозят в известное жёлтое здание с наглухо закрытыми ставнями, что в паре кварталов от Нотр-Дам, его уже, как правило, больше никто никогда не видит. Такой человек после этого либо пропадает в тигровых клетках острова Пуло-Кондор, либо его просто убивают без суда и следствия там же, в застенках жёлтого здания с наглухо закрытыми ставнями. Отчаявшиеся родственники могут потом годами его искать, а им в ответ, пожимая плечами, твердят одно и то же: отпустили, мол, после допроса на все четыре стороны, а куда он направился это уж не наша забота.

Рене хочет стать партизанским командиром, мне же всегда хотелось стать таким как товарищ Ань. Многие из нас тогда хотели походить на товарища Аня. Это был однокурник моего отца, который, изучая право в Париже, превратился за годы учёбы в убеждённого

анархиста. Вместе со своим другом Тхе, ещё одним товарищем из французской компартии, Ай Куоком, по прозвищу Хошимин, и двумя старыми Фанами, парижскими интеллектуалами старой закалки, они в своё время поклялись стать Пятью драконами будущей вьетнамской революции. Потом Хошимина и Аня выслали из Франции за подрывную деятельность. Первый по поддельным документам уехал через Берлин в Москву – постигать революционную науку, чтобы со временем стать профессиональным вождём кадровой партии. Второй же отправился в долгие пешие странствия по Италии, откуда он и прибыл домой, в Сайгон, на палубе одного из торговых кораблей. Здесь он начал издавать либертарную газету «Надреснутый колокол» на французском языке. Его друг Тхе остался в Париже и стал активистом Межколониального союза, боровшегося за права коренных жителей всех колоний Франции.

В первый раз я увидел товарища Аня в кинотеатре, в первом ряду на показе «Огней большого города» Шарло. Тогда это был длинноволосый денди с иголки одетый по последней парижской моде. Позади него сидели два офицера французской морской пехоты, капитан и лейтенант. В какой-то момент лейтенант схватился за спинку его стула, сильно её потряс и громко сказал ему:

– Ты мешаешь мне смотреть, не видишь что ли?

На что Ань со своей рафинированной восточной учтивостью ответил:

– Я не привык, чтобы со мной разговаривали в подобном тоне. Если бы Вы попросили меня вежливо, я был бы только рад подвинуться, чтобы Вам лучше было видно экран.

– Ну так встань и подвинь свой чёртов стул.

Ань, помедлив, ответил вопросом:

– Ты всё-таки нарываешься на неприятности, морячок?

– Да плевать я хотел на тебя, умник узкоглазый...

Буквально в мгновение ока Ань вскочил на ноги и, с быстротой молнии подняв стул за ножки над собой, ей-богу, готовился обрушить его на череп лейтенанта, в испуге отпрянувшего от него и закрывшегося руками, когда другие зрители остановили его, крепко схватив за предплечья, и силком вывели из зала. Кинотеатр, кстати, был битком набит французами, а вьетнамских парней там была от силы дюжина, не считая нас, детей. Но Ань, похоже, вовсе не думал о том, что возможное побоище будет настолько неравным. Такой уж это был человек.

3.

Пока Анем владела ярость, он как бы не соображал, что делает. Внезапно он словно прозрел и увидел трясущееся лицо лейтенанта вскинутые в защитном жесте руки над головой, и понял, что его крепко держат другие кинозрители. Один обхватил его за торец со спины, другой держал за ножки стула, который он занёс над головой, сжав в стальной хватке, а третий стоял перед ним и ласково, но настойчиво уговаривал его успокоиться и выйти с ними из кинотеатра. Ярость схлынула, и Ань покорно дал себя увести.

Уже на улице, по дороге к ближайшему кафе он познакомился с ребятами. Это были матросы торгового флота и, представляясь, они назвали свои прозвища: Кузнец, Шланг и Стриж. Они были одеты в странные костюмы, состоявшие из широченных штанов и длинных пиджаков до колен с накладными плечами. Застенчиво посмеиваясь, они рассказали ему, что не так давно уже были в подобной передрыге, но не здесь, а за океаном.

– Мы как раз посмотрели «Золотую лихорадку» Шарло, и только вышли из кинотеатра на Пико-Юнион, в самом центре Лос-Анджелеса, – повёл свой рассказ Стриж, бритый под расчёску паренёк небольшого роста, с тонкими, деликатными чертами лица.

Они расселись за низким столиком уличного кафе на бульваре Боннар, и Кузнец принёс каждому по пивной кружке, наполовину наполненной рисовым самогоном.

– Как вдруг нас окружила целая толпа пьяных американцев с других судов, стоявших в порту, – продолжил Стриж, кивком поблагодарив своего друга. – Они ни с того, ни с сего

начали нас жестоко избивать, осыпая расистскими оскорблениями. Мы настолько опешили, что только и смогли, что присесть на корточки, закрывая головы и крича «Помогите! Мы ничего вам не сделали!». Но это их только раззадоривало, и они били и пинали нас дальше... Всё резко поменялось, когда прибежал Хайфонец. Он отходил в туалет.

– А кто такой Хайфонец? – поинтересовался Ань, задетый за живое их историей.

– Это наш друг. Мы уже несколько лет на одних и тех же кораблях вместе с ним ходим, – протяжно объяснил Шланг, долговязый юноша с беглыми вороватыми глазками и длинными, нервными пальцами картёжного шулера.

– А где же он сейчас? – спросил Ань.

– Как где, брат? Он в Хайфоне! Где ж ему ещё быть, – расхохотался Шланг, развеселив тем самым всю компанию.

– Так что произошло потом, когда прибежал Хайфонец? – снова спросил Ань.

– Всё изменилось, – серьёзно ответил Стриж. – Всё изменилось, и с тех пор всё было по другому... Хайфонец, когда увидел, что нас бьют, сразу побежал в нашу сторону, вклинился в толпу, и с ходу, косым коротким ударом в висок тыльной стороной кулака, повалил того, что смеялся как лошадь, собирався пнуть меня. Когда тот упал на землю, своих опрокинув стоявших сзади товарищей, Хайфонец так же быстро ударил второго, здорового детину, прямым ударом в солнечное сплетение, и, выведя из строя двоих, тут же начал стремительно отбиваться локтями и коленями от набежавших на него со всех сторон гринго. В эту минуту мы пережили настолько жгучий стыд перед Хайфонцем, что как по команде вскочили и начали вместе, дружно отбиваться от тех, что нападали на него. Завязалась упорная драка, и если сначала стало полегче, то уже через несколько минут, я понял, что снова слабею под градом ударов, сыпавшихся на мою голову буквально со всех сторон. Ведь их было не вдвое или втрое, а впятеро-вшестеро больше, чем нас, человек тридцать, не меньше! Но в этот момент в наш переулочек с обеих сторон начали забегать, откуда ни возьмись взявшиеся мексиканские ребята с 38-й улицы и из Гавайских садов, и наше побоище сразу превратилось в настоящую кровавую баню для гринго. Теперь уже те в панике орала во всю глотку, призывая на помощь и умоляя о пощаде, плюясь кровью и зубами, но их били и били дальше. Большинство американцев просто легло на землю, чтобы показать, что не будут сопротивляться, но мексиканцы всё равно пинали их, да так ожесточённо, словно хотели, чтобы их родная мама потом не узнала. Я нашёл в толпе того типа, который ударил меня первым, он упал передо мной на колени и начал хватать меня за руки, пытаясь поцеловать их и твердя “Sorry, sorry”.

– И что ты сделал?

– Я сломал ему нос коленом, развернулся и ушёл, а когда я оглянулся, один из мексиканцев что-то кричал ему в лицо, схватив за шиворот и приставив к горлу опасную бритву. Как я говорил, всё изменилось с тех пор. В память об этом дне мы сшили себе такие же костюмы, как у тех мексиканских ребят и с гордостью носим их, когда мы на побывке... А тебе, брат, всё же надо спокойнее реагировать на провокационные слова. Это ведь просто сотрясение воздуха, не более того, оно ничего не значит на деле в этой жизни.

– Ты пойми, Стриж, я не могу сдержаться, когда со мной обращаются так эти люди. Это мой город, мой район, а кто такой этот лейтенант? Кто он такой? Я ничего не имею против того, что он сидит и смотрит кино в моём городе, но когда он ещё и оскорбляет местного только за то, что он местный – это уже чересчур, вам не кажется?

– Да разве ж это оскорбление, брат? – задумчиво промолвил Кузнец, огромный тяжеловес с руками, как кувалды. – Слышал бы ты, какими словами нас осыпали те американские матросы. А ведь они тоже были на своей земле, в своём городе. По твоей логике они имели право так с нами обращаться?

– Ну во-первых, это не их земля. Лос-Анджелес – это исконная часть Ацтлана, так что на своей земле там были скорее уж те мексиканские ребята из Гавайских садов. Это если не говорить об индейцах.

– Брат, а ты много всякого знаешь, – сказал Стриж, закуривая папироску «Житан». – Хотелось бы с тобой побольше пообщаться.

– Я тоже на это очень надеюсь, друзья, – с жаром сказал Ань. – Приходите ко мне на Шарнье 19. У нас с товарищами там небольшая типография и два-три раза в неделю по вечерам после работы мы собираем всех наших друзей, чтобы вместе обсудить то, что происходит в нашей стране и в мире, чтобы обменяться политическими мнениями.

– Мы наверное, придём, – Стриж вопросительно окинул взглядом своих друзей. Шланг лишь пожал плечами, но Кузнец утвердительно кивнул.

– Придём, – сказал он, как отрезал. – Ещё и Хайфонца приведём.

4.

Уже находясь в Сайгоне, Ань часто невольно вспоминал о своих пеших странствиях по Франции и Италии. Перед путником зачастую открываются истины, о которых лишь с трудом догадывается оседлый, неподвижный человек. Странствия способствуют озарениям, когда ты знаешь, что озарения эти скрыты в самом тебе. Впервые ему захотелось покинуть ставший душным в те летние месяцы каменный мешок Парижа после спора со старым Фаном, во время которого ему непреодолимо захотелось физически глотнуть хоть капельку свежего морского бриза. Споры с Фаном зачастую порождали у него ощущение безнадежного тупика. Старый Фан был очарован Францией с её Просвещением и Революцией, он верил в то, что новый свободный Аннам может быть рождён чуть ли не из союза с самими же колонизаторами, ведь в их Конституции записаны такие прекрасные принципы. Эти аргументы заставляли Аня задыхаться от ярости, из-за упрямой слепоты старого Фана.

– Поймите, дядя, ведь демократия – это обман, это ложь, при помощи которой держат в узде французский пролетариат. Свобода, равенство и братство существуют только на бумаге. Оглянитесь вокруг!

– Ничто не совершенно в действительности, – сухо отвечал старый Фан. – Но это не значит, что человек не должен стремиться к идеалу.

Они сидели в «Ротонде» на Монпарнасе. За соседним столиком два пьяных вдрызг американца обсуждали некую Зельду. Судя по долетавшим до них невнятным обрывкам английской речи, она была женой одного из них. Ань потянул свой галстук и, вдруг, рывком сорвал его. Столь же порывисто он поднялся из-за столика.

– До свидания, дядя, – сказал он. – Мне надо побыть одному.

Фан рассеянно кивнул, помешивая свой кофе и сосредоточенно рассматривая красные кленовые листья, усеявшие их стол.

Вначале, выбравшись из города через Булонский лес, с посохом в руке и дорожной котомкой за плечом, Ань намеревался совершить лишь долгую прогулку по парижским предместьям, однако, сам того не замечая, он начал уходить всё дальше и дальше вглубь провинции. В его сердце звучала грустная музыка стихов Бодлера. «И моя душа надтреснута, словно тот колокол, – думал он. – Она хочет наполнить своими песнями студёный воздух этих ночей. Её слабеющий голос подобен стонам тяжелораненого солдата. Вот, он лежит под горой трупов, на краю озера крови, и борется, борется, до тех пор пока он не умрёт... Какие же это прекрасные слова! Как точно они отражают состояние души страждущих этой земли».

Лёжа на песчаном каннском пляже, Ань вспоминал о старом Фане с какой-то обречённой жалостью. Сам он не верил ни в какой иной прогресс, кроме прогресса благосостояния правящих классов за счёт растущей нищеты обездоленных масс. Размышляя о возможности изменить мир к лучшему, он верил лишь в индивидуальную волю, этот неподвластный

рациональному толкованию феномен, способный на самые удивительные и непредсказуемые свершения. Будучи завзятым ницшеанцем, он в то же время абсолютно не разделял выводов философа о том, что индивидуальная воля направлена всегда лишь на завоевание власти над себе подобными. Это казалось ему слишком мелким для такой силы космических масштабов. Власть над людьми? Увольте! Ведь воля личности сильнее всего именно тогда, когда она направлена к свету свободы, когда ей движет творческий импульс к совершенствованию этого мира. Вот что такое воля. Но воли одного человека слишком мало – это всё равно, что добровольно бросаться к Молоху истории репрессивного государства.

Неудивительно, что при таком ходе мыслей наибольшим спросом статьи Аня пользовались в анархистской прессе Франции, особенно в газете *Libertaire*.

«Нужно единство индивидуальных волей – Союз равных, как у Штирнера. Большевики смогли создать союз индоктринированных индивидов, кадровую партию, теперь очередь за нами, ещё более свободолюбивыми людьми, теми, кто левее большевиков, – думал он, прислушиваясь к мерному шуму волн, разбивавшихся о берег. – Как же мне не хватает спутников! Не масс для понукания, а равноценных товарищей по борьбе. Видит Бог, они мне нужны не меньше, чем философу Заратустре, и, возможно, также, как и он, я никогда не отыщу таких людей».

Его размышления прервал громкий всплеск. Это девушка, стремительно пробежавшая мимо него по песку, бросилась в море и поплыла навстречу волнам. Странно, как он её не заметил, погружённый в свои размышления? Он намеревался сделать лишь небольшую остановку в Каннах, как раз, чтобы окунуться в море, перед тем как продолжить свой путь к итальянской границе. Ещё по дороге из Лиона в Авиньон, Ань твёрдо решил направить свои стопы в Вечный город. Между тем, немного поплескавшись в ласковых средиземноморских водах, девушка уже выходила на берег из пены морской, отжимая свои густые волосы и искоса кокетливо поглядывая на чужестранца. Она неспешно подошла к нему и запросто, доверительно спросила:

– Ты из Аннама?

Ань присел на песке и кивнул. Она улыбнулась.

Её звали Марилу. Из-за неё он задержался на том пустынном пляже ещё на неделю. Она приходила ближе к полудню, приносила с собой корзину с едой и запотевшей бутылку холодного белого вина. Она с интересом слушала обо всём, что творилось в голове у загадочного чужестранца, раскрывшего перед ней свою душу. В числе прочего говорил он с ней и о старом Фане, и о своём несогласии с ним.

– Я сам перевёл Руссо на язык своей страны, Марилу, но я никогда не поверю в возможность социального контракта между властью и народом. Как можно всерьёз утверждать, что избирательный бюллетень, брошенный в урну, раз в несколько лет способен подарить человеку свободу? Это же насмешка над здравым смыслом!

– Ты анархист, чужеземец.

– Да, я анархист, если на то пошло! Народное волеизъявление – это не голосование за политических мошенников, нет! Это природное явление, способное перевернуть устоявшийся порядок, это дремлющее цунами творческой энергии.

– Ты мечтатель, чужеземец.

– Марилу, да ты оглянись вокруг. Ты только подумай о том, что происходит сейчас в Советской России! Будущее уже здесь, с нами.

Она покачала головой.

– Мир не пойдёт за Россией. Франция не пойдёт за ней.

5.

Жизнь Хошимина была самой бурной из всех Пяти Драконов. Едва достигнув совершеннолетия, но уже имея за плечами солидный багаж неприятностей с политическим

сыском, от отплыл из Сайгона в Марсель, нанявшись прислугой к судовому коку. Поскольку неприятности преследовали его и во Франции, оттуда он спустя пару месяцев тоже отбыл, всё так же помощником кока, на корабле, идущем в Нью-Йорк. Жил в Гарлеме, потом в Бруклине. Вскоре поиски работы вынудили его перебраться в Детройт, где он устроился рабочим на автомобилестроительной фабрике. Пожалуй, лишь одному ему из всех остальных кадровых революционеров жизнь индустриального пролетариата была знакома не понаслышке, и, видимо, она ему понравилась не особо, так как уже через два года, он опять собрался и пустился в плавание в обратном направлении, в Старый Свет.

Именно в Англии он впервые познакомился с «Капиталом» Карла Маркса, который он штудировал долгими бессонными ночами, после утомительных рабочих дней в «Карлтоне», где трудился официантом. Эта книга перевернула всю его жизнь. Когда начались неприятности, связанные с разрешением на работу в Великобритании, ему пришлось вернуться в метрополию, в столице которой, он повстречал одного за другим всех остальных Четырёх Драконов. Эти встречи стали судьбоносными не только для него самого, но и для всего народа Индокитая. К тому времени он начал неплохо зарабатывать, сотрудничая с различными парижскими газетами в качестве вольнонаёмного журналиста. Именно в качестве репортёра он впервые познакомился с главным редактором «Юманите» Марселем Кашеном. Они разговорились во время профсоюзного шествия, по пути с площади Согласия на площадь Республики. Кашен был впечатлён глубоким подходом этого молодого, образованного выходца с Востока к теоретическому наследию Маркса.

– Вы не представляете, мой друг, как был бы рад Поль Лафарг, услышав о Вас. На днях я выезжаю в Москву, и не удивляйтесь, если у Вас будут гореть в это время уши. Потому что я буду рассказывать о Вас Ленину, Троцкому, Зиновьеву. Я расскажу о Вас товарищу Кобе и товарищу Радеку.

– Вы очень добры, товарищ Кашен, – смутился Хошимин.

В тот же вечер Кашен пригласил его в «Селект», где представил ему Тореза, Суварина и Гильбо.

– Жму Вашу руку, товарищ, – сказал Суварин внимательно вглядываясь в глаза революционера. – Марсель рассказал нам о Вас.

– Рад встрече, друг, – приветствовал его Морис Торез, молодой рабочий с точь таким же горящим взглядом, как и у самого Хошимина.

Анри Гильбо лишь важно кивнул, но его улыбка была чрезвычайно радушной. Тот долгий зимний вечер начался с теоретических вопросов. Разговор новых друзей как то сам собой завязался вокруг последней работы Ленина, «Детской болезни левизны», затем плавно перешёл к партстроительству. Большинство присутствующих высказывалось в пользу ленинской концепции «демократического централизма». Один лишь Суварин высказывал опасения о том, что такая практика способна привести к излишнему парламентаризму в работе партии, и что при вынесении решений будет такая опасность, что примазавшиеся к партии попутчики революции, оказавшись в большинстве, способны будут увести её вспять. Хошимин мудро помалкивал и внимательно прислушивался к разговору. Внезапно Морис Торез обратился к нему:

– Вот Вы, товарищ, Хошимин, так же как и я, и Борис, реально работали на фабрике, стояли за станком. Что скажете Вы о революционной сознательности рабочих масс?

Хошимин прокашлялся и после непродолжительной паузы, во время которой он обдумывал свой ответ, медленно сказал, словно сделал заявление:

– Я убеждён, что рабочие массы не обладают классовым политическим сознанием. Только партия профессионально подготовленных революционеров способна установить диктатуру пролетариата. Только диктатура пролетариата способна преодолеть власть Капитала. Что же касается методов борьбы и партийной дисциплины, то пока в эмпирической

реальности, только большевистской партии удалось установить диктатуру пролетариата. А в большевистской партии рабочим методом является демократический централизм.

Все задумчиво закивали головами. В тот вечер они решили основать Французскую Коммунистическую Партию.

6.

Я родился в год Тигра, когда у власти в Париже уже не первый год находился антифашистский Народный Фронт, широкая коалиция из социалистов, радикалов и коммунистов из ФКП. Рабочее движение развернулось тогда в полную мощь, добившись, после целой волны забастовок и оккупаций, многих важных успехов. У кабинета Блюма были выбиты сорокачасовая рабочая неделя, повышение зарплат от семи до пятнадцати процентов, оплачиваемые отпуска, право заключать коллективные договоры и многое другое. Сайгон по цепной реакции также охватили стачки. Бастовали Арсенал, портовые кули, Трансиндокитайская железная дорога, трамвайные депо, прачечные. Нередко раздавались одиночные револьверные выстрелы – убивали жестоких плантаторов, несправедливых прокуроров, палачей из Сюртэ, как в ночи, так и среди бела дня, в толпе.

Товарищ Ань, в то время с головой ушёл в проект создания Индокитайского Конгресса. Идея зародилась в ходе одного из собраний импровизированного кружка в типографии газеты «Надтреснутый колокол». Темой в тот вечер стало движение Ганди за независимость Индии. Услышав о том, как индийцы добились в своё время от англичан права участвовать в местных выборах, а потом даже смогли ввести своего представителя в британскую Палату общин, где он отстаивал интересы простого индийского народа, присутствующие расшумелись. Новые друзья, матросы, привели в тот раз с собой Хайфонца, очень спокойного и сдержанного юношу, с непроницаемым выражением лица, который выказывал свой истинный, тигриный нрав лишь изредка, когда злился или был чем-то взволнован. Он и заговорил первым, весьма неожиданно, о том, что организация, схожая с Индийским конгрессом могла бы стать первым шагом к построению коалиции по типу Народного Фронта из метрополии.

– Вы сказали, что Ваш друг – важный человек в одной из партий, из тех, что находятся у власти в Париже, старший брат, – сказал он Аню, и, поскольку он молчал до этого весь вечер, все повернулись к нему и внимательно прислушались. – Почему бы нам не попробовать открыть свой филиал Фронта, наподобие местного представительства? У Вас столько хороших идей, которые Вы смогли бы донести до французского правительства, где Вас наверняка услышат.

– Это не мой метод, – задумчиво ответил Ань. – Ты знаешь, мне ведь уже предлагали чин, когда я только прибыл из Европы. Губернатор Коньяк предложил мне должность мирового судьи и земельную концессию. Я отказался. Мне не нужна власть. Лично я никогда не вступлю в партию Хошимина, потому что я не верю и не поверю, что он действительно представляет чаяния простого народа. Но это тема для отдельного разговора...

– Но народ, – подхватил Хайфонец. – Народ мог бы воспользоваться такой властью, чтобы улучшить свои условия. В каждой провинции, в каждом округе, в каждом селе можно было бы организовать народные комитеты, которые прислали бы в Сайгон своих делегатов. Сначала мы бы собрали Индокитайский конгресс, потом мы организовали бы на его основе свой Народный фронт.

– Надо подумать, – согласился Ань. – Можно составить небольшой текст для листовки, отпечатать её прямо здесь и распространить везде, где мы уже продаём «Надтреснутый колокол» – начать с депо Французской трамвайной компании, цехов табачной фабрики, ликёроводочного завода в Биньтае, нефтебаз в Нябе...

– В типографиях города, на вагоноремонтном заводе и на железных дорогах, среди водителей автобусов из Таншоннят, – подхватил главный редактор Эжен де ла Бати, наполовину вьетнамец по матери.

Честно говоря, по-моему, это была довольно-таки оппортунистическая идея, чем-то смахивавшая на попытку выторговать крупницу суверенитета у Парижа для горстки политизированных, анархо-троцкистских активистов. В любом случае, охранка из Сюртэ вскоре арестовала всех участников даже за этот невинный проект, обвинив их в сепаратизме и попытке «раскола и нарушения территориальной целостности нашей общей родины, Французской Республики» Их освободили только после прямого коллективного обращения от местной интеллигенции к Леону Блюму. Премьер-министр пообещал провести радикальное обновление колониальной системы. Разумеется, он отнюдь не собирался отказываться от заморских территорий и солидных доходов, приносимых ими в республиканский бюджет, это понимали все. Ребят вроде Хайфонца и других матросов, спонтанно примкнувших к движению, тюрьма лишь закалила и укрепила в их выборе, в революционной борьбе. Они убедились, что демократия с их мнением не считается.

7.

Как говорили в тот год в народе: «Год Крысы – неприятности, год Быка – потери, год Тигра – зло». И в самом деле, по словам стариков, если в год Крысы урожаи поедала засуха, то в год Быка начались наводнения, а в год Тигра – репрессии. Именно в год Тигра правительство издало декрет о призыве двадцати тысяч местных стрелков для защиты Отечества от угрозы военной агрессии со стороны фашистской Японии. Но вьетнамский народ отнюдь не горел желанием идти под пули по приказу месье Блюма, Муте или Даладьё из далёкого Парижа. Рекрутские агентства и военкоматы столкнулись с массовым уклонением. Самые отчаянные дезертиры пошли даже на членовредительство. В качестве генерал-губернатора в Индокитае впервые прислали военного – генерала Катру.

В то же время войска императора Хирохито действительно вплотную сконцентрировались к тому времени на границах Индокитая, планируя вторжение на остров Хайнань в непосредственной близости от вьетнамских территориальных вод. Сиам, стремившийся присоединиться к оси Рим-Берлин-Токио, в качестве хвосты, также выдвинул свои войска к южным границам Индокитая, с другой стороны, в надежде оттяпать лакомые куски территорий Камбоджи и Лаоса. Японской пропаганде в тот период удавалось находить определённый отклик среди местных реакционеров азиатских стран. Они говорили о радикальном обновлении человечества, о счастливых временах, которые наступят с формированием Восточной лиги процветания, свободной и очищенной от западных колониалистов, под неусыпным оком Восходящего солнца. Аннамским националистам пришёлся по душе лозунг «Азия для азиатов». Здравомыслящие люди понимали, что в действительности он подразумевает «Азию для японцев», горделивых наследников самураев и шогунов. В лобовую столкнулись геополитические и экономические интересы разных держав – прибыли американских и британских предпринимателей стремительно падали в Шанхае и Гонконге. На самом деле речь шла о полномасштабной колонизаторской кампании, проводимой двумя старинными кланами, преобразованными в тресты, Мицуи и Мицубиси.

Японская военщина показала своё истинное лицо во время Нанкинской резни в Китае. Пресловутая честь самураев, о которой говорилось столько высоких, пафосных слов, была навеки вечные поправа и опозорена в дни оккупации Нанкина. Распоясавшаяся солдатня не просто подвергла тогда безоружное население города массовой, беспорядочной резне, выстраивая мужчин, чтобы оттачивать на них штыковые навыки. Их офицерики с видимым садистским удовольствием расправлялись со стариками, женщинами и детьми на глазах у их же семей, а ведь это противоречит любым мыслимым представлениям о поведении мужчины. Они вспарывали штыками животы беременных женщин и подвергали крошеч-

ных деток групповым изнасилованиям в извращённой, невыносимой форме. Насиловали всех девочек старше четырёх дней, а тех что постарше ещё и калечили, отрезая половые губы, истязая, терзая ножами и тупыми предметами, превращая их в кровавое месиво, перед тем как, облив керосином, сжечь их заживо. Ни один народ, ни одна культура, ни один из видов животного мира не допускают ничего подобного, хотя бы потому что такие действия противоестественны. Но орава прыщавых девственников из Японии, свихнувшихся от казарменной муштры и слепого повиновения, в своей нелепой, неуместной, подлой жестокости, казалось, стремилась поразить весь мир симптомами массового психоза, отравившего эту маленькую, перенаселённую, милитаризованную страну. В самом деле, они будто бы задались целью доказать, что человеческое существо в своём бесчестии может скатиться гораздо ниже, чем воображали до сих пор. Парадоксальным образом почему-то именно те, кто больше всего одержим идеей сверхчеловека, зачастую претерпевают подобную деградацию, являя миру чёткую клиническую картину состояния низшей формы развития, недочеловека. Военные преступники из японской армии потом предстали перед судом и были приговорены к смертной казни, но это произошло лишь долгих десять лет спустя.

Дядя Нам, мой приёмный отец, владел большим заводом по производству черепицы в Кантхо, примерно в сотне километров от Сайгона. В тот год он решил на всякий случай инвестировать кое-какой капитал из своей заначки в небольшое, но прибыльное предприятие в черте города. Так, на первом этаже дома, в котором мы все жили, открылась опиумокурильня «У Нама». В ней дядя Нам и познакомился с одной из своих регулярных клиенток, обворожительной опиоманкой Фын. У неё были зачаровывающие миндалевидные глаза, тонкие руки и густые, длинные волосы. Когда она смотрела на тебя, нездоровый блеск её таинственных глаз словно бы рассказывал тебе о чудесах страны фей, в которой она жила, днями и ночами преследуя сказочных драконов, блестящих чешуёй неведомых цветов. С ней дядя Нам впоследствии обручился и провёл несколько долгих и, возможно в чём-то счастливых лет. Специально ради того, чтобы иметь возможность уединиться с ней, он снял комнату на бульваре Галлиени, неподалёку от рынка Бен-Тхань. Они лежали бок о бок сутки напролёт на низких кушетках, сдвигаясь с места время от времени только затем, чтобы приготовить очередную трубку опиума. В каждом движении тётки Фын сквозило необъяснимое сладострастие. Она сковыривала длинной иглой очередной шарик густого и вязкого вещества из фирменной жестяной баночки с изображением чёрной кошки, размазывала его по чашечке инкрустированной позолотой трубки из слоновой кости и торжественно выпаривала его над свечой в свои лёгкие посредством нескольких благоговейно жадных затяжек. За бизнесом в опиумокурильне присматривали понемногу все домашние. Дядя Нам только и делал, что валялся под кайфом целыми днями со своей красоткой. По-моему они даже не занимались любовью, а только курили и валялись, бессмысленно глаза в потолок, на гипсовые орнаменты, или на лопасти вращавшегося над ними вентилятора. Такими я их и запомнил. Они казались мне похожими на двух призраков из иных миров.

8.

Сезон дождей закончился также внезапно, как и начался. Настали погожие деньки. Рано утром одного из таких солнечных дней когда мы шли в школу с Софи и Рене, мы увидели на тротуаре мертвеца. Это был обычный молодой парень, лежавший у одной из стен рынка Бен Тхань в луже крови. Он лежал там, распластавшись как бесформенный куль, в нелепой позе, запрокинув голову лицом в небо и раскидав руки в разные стороны. Я успел заметить, что у него вывернуты и переломаны все пальцы, кожа покрыта ожогами, а лицо превратилось в один сплошной лиловый синяк от побоев. Вокруг пулевых отверстий темнели пятна подсыхающей крови. Над ним уже роились с назойливым жужжанием мухи.

Я невольно приостановился, но Рене, пугливо озираясь по сторонам, настойчиво потянул меня за рукав, шепнув:

– Пойдём быстрее отсюда. Это, должно быть, коммунист, расстрелянный Сюртэ на рассвете.

В своё время Даладьё, сменивший Блюма на посту главы правительства, договорился с Гитлером о том, что Франция не будет возражать против территориального передела Чехословакии в обмен на призрачные гарантии ненападения, те гарантии, что нацистская Германия не уважала и не соблюдала никогда, как это было известно всем. Французская публика вместо того чтобы закидать Даладьё помидорами, встречала его, по прибытии из Мюнхена, цветами. Когда же Молотов заключил схожий пакт о ненападении и разделе Польши с Риббентропом, Франция сочла нужным возмутиться, решив отыграться на собственных коммунистах, запретив их деятельность и подвергнув их самих суровым репрессиям. ФКП была распущена, газета «Юманите» запрещена, весь её тираж изъят из обращения. Помимо всего прочего, пакт оказался ещё и удобным предлогом для того чтобы разделаться с сильным конкурентом внутри правящей коалиции. Вот тогда-то Сюртэ и сорвалась с цепи, начав самую настоящую облаву на коммунистов и у нас, в Индокитае. В свою очередь, сами местные коммунисты благодаря этому только усилились, уйдя в подполье. Опираясь на низовые комитеты действия, сформированные ещё во время движения за Индокитайский конгресс, они начали тихо и упорно, шаг за шагом, плести широкую массовую сеть из подпольных революционных групп, постепенно опутывавшую собой Кошиншину, Тонкин и Аннам. К ним примыкали самые разные люди, от высокообразованной франкоязычной интеллигенции до простых ребят вроде Кузнеця, Шланга и Стрижа.

Прошло не так уж много времени, как наступил черёд Франции. Гитлер оккупировал её в считанные дни. Та самая пацифистская публика, миллионы граждан, побросав свои дома и имущество, в панике устремились в сторону побережий, пока боши маршем, чеканя шаг, входили через Триумфальную арку в Париж хорошо организованными колоннами, попирая подошвами кованых сапог Елисейские поля и тенистые бульвары Первого округа, под победный рёв своей тяжёлой бронетехники, «Пантер» и «Мессершмиттов». Что касается Индокитая, то его судьба была решена относительной слабостью нацистского флота. Фюрер признался дуче, что он оставил Империю за Францией, лишь потому, что не желал отвлекаться на военно-морские операции в дальних водах. Это совсем не вписывалось в стратегию завоевания жизненного пространства на континентальных широтах. На свет божий извлекли, отряхнув от пыли, престарелого маршала Филиппа Петэна, некогда победившего Германию во время Первой мировой, под Верденом. Тот присягнул на верность победоносным оккупантам и объявил коллаборационизм национальной политикой. Новая Франция должна была стать консервативной, аграрной и католической. У нас в Индокитае новоявленное правительство Виши срочно назначило генерал-губернатором адмирала Деку, верного сторонника Петэна.

Через несколько дней после торжественной инаугурации адмирала агенты Сюртэ арестовали на одной из сайгонских улиц некоего товарища Биня, расклеивавшего листовки с призывами к «вооружённой борьбе против французского нацизма не менее беспощадной, чем против японских фашистов». В тот же день в жёлтое здание с наглухо закрытыми ставнями привезли ещё одного арестанта, Та Уэна за месяц до этого бежавшего с каторги. При нём была обнаружена срочная депеша с детальными указаниями от центрального комитета партии всем местным ячейкам. В частности в депеше были обозначены адреса в центре Сайгона, по которым должен был быть обеспечен транспорт для перевозки людей, а также требующееся количество автомашин. Красными крестиками были помечены узловые пункты для возведения баррикад, вроде рю Верден. Там же, ниже прилагался список арсеналов, где следовало произвести экспроприации, с точными данными о количестве единиц стрелкового оружия и массе взрывчатых веществ, за которыми следовали адреса офицеров Сюртэ, шпи-

ков, палачей, ответственных за убийства и пытки революционеров. Этим людей предписывалось ликвидировать на месте.

Два этих успешных ареста помогли Сюртэ срочно предпринять меры по усилению безопасности в центре Сайгона. Тем не менее, хорошо подготовленное вооружённое восстание не замедлило вспыхнуть в десять вечера того же дня на окраинах Сайгона и Шолона, охватив собой практически все города и районные центры дельты Меконга. Повсюду были массово разграблены арсеналы, захвачены главпочтамты и административные здания со всеми их архивами, казнены десятки шпииков и палачей. Повстанцы попытались перерезать мосты, телеграфные провода, линии коммуникаций.

Адмирал Деку, столкнувшись со столь тёплым приёмом, поспешил доказать, что тоже не лыком шит. Он немедленно распорядился бросить в бой всю колониальную пехоту, части Иностранного легиона, расквартированные вокруг Сайгона, специальные подразделения Сюртэ и авиацию. Бомбардировки с воздуха и плотный пулемётный огонь на земле накрыли всю Долину Джонок, выкашивая целые деревни, унося жизни тысяч мирных граждан.

– Мы здесь одни на защите Отечества, господа! Нас сорок тысяч против миллионов азиатов. Если мы сможем победить, мы сослужим хорошую службу белой расе! – воскликнул адмирал Деку, принимая докладчиков после завершения операции по подавлению восстания.

– Простите, мой адмирал, – ответил один из присутствовавших, капитан, только что прибывший с Севера. – Но у меня чрезвычайно срочное донесение. В ответ на Ваш отказ выполнить условия ультиматума японцев, части квантунской армии вторглись в пределы Французского Индокитая в Тонкине и нанесли поражение нашим военным в Лангшоне. Наши славные войска понесли большие потери и были вынуждены капитулировать.

Деку внезапно помрачнел и отвернулся к окну, выходящему на автосалон Бенье. Он опёрся обеими руками на подоконник, мрачно разглядывая оживлённую сутолоку на углу бульваров Боннар и Шарне. Кипя от негодования внутри, он вдруг поймал себя на мысли, что невольно любит Сайгоном, находит его прекрасным. Да, это было прекрасное творение французских рук, имперской эстетики, гения французской архитектуры, пересаженной на чуждую почву, в субтропики. «Как смеют аборигены претендовать на то, что мы уйдём и оставим им свою же собственность?», думал он. «Не они создали этот город, да и земля-то ведь вовсе не вьетнамская. Если на то пошло, они сами отняли эту землю в своё время у кхмеров, этого древнего народа поклонявшегося индийским богам. Теперь вот япошки, новая напасть». После долгой паузы, проведённой присутствующими в напряжённо-выжидательном молчании, он, полуобернувшись, жестом подозвал адъютанта, буркнув:

– Что там у нас из Виши, Жак?

– Приказ от маршала Петэна, мой адмирал – Вам предписывается немедленно заключить соглашение с дружественной Японией о признании её привилегированной роли и права на отстаивание своих интересов по всему Дальнему Востоку.

9.

Толпы плохо вооружённых и безоружных колонов маршировали по бульвару Боннар, на котором стены домов были увешаны триколорами с гербами, изображавшими обоюдоострый топор древнегерманского племени франков, и портретами маршала Петэна. Они вразнобой скандировали «Родина! Труд! Семья!». Лучше всего им удавалось дружно орать в тысячи глоток, при виде портретов:

– Маршал, мы здесь!

За ними следовали стройные ряды вьетнамских подростков. Это были отряды так называемой «Авангардной молодёжи», отобранные из детей богатых католических семей, лояльных Франции, учившихся во французских школах и посещавших французские секции по футболу и регби. Они не менее слаженно выкрикивали своими ломкими голосами:

– Маршал, мы здесь!

Деку вышел на балкон и, в стиле Муссолини, поприветствовал марширующие колонны римским салютом. По бульвару прокатился восторженный рёв:

– Адмирал, мы здесь!

Деку не обманывался на их счёт. При ближайшем рассмотрении, имея дела с местными французами, потомственными колонами, он не мог отделаться от брезгливого ощущения, что сюда в Индокитай в своё время были слиты наиболее никчёмные представители французской нации, люди без чести и достоинства, завистливая и агрессивная чернь. Но что делать – это был весь имевшийся в наличии человеческий материал, *его* материал, и с ним надо было работать. Мысленно он сравнивал себя с Огюстом Роденом – ведь работа с человеческим материалом требовала усилий, схожих именно с трудом скульптора. Народ, инертные массы, во всём подобен бесформенной глыбе мрамора или гранита. Молоточком и скаргпелем, ножовкой и рашпилем, с ним надо работать кропотливо, на износ, чтобы в итоге создать прекрасное, атлетичное изваяние, живущее волей своего создателя. Деку вернулся за свой массивный стол из морёного дуба, уселся в мягкое кожаное кресло и вернулся к работе над документом, подробно изучая каждую его строчку и сверяясь с наваленными тут же в кипу досье, полученными от отборных следователей Сюртэ. Закончив к вечеру, он позвонил в колокольчик и передал бумагу адъютанту.

– Помеченных галочками – депортировать. Помеченных крестами – в Пуло-Кондор.

Это был список евреев и масонов, выявленных в колониальной администрации. Когда адъютант Жак Коллу, молодой человек из хорошей нантской семьи, молодецкато щёлкнув каблуками, удалился, Деку откинулся в кресле и плеснул себе в рюмку коньяку. Смакуя выдержанный напиток с далёкой Родины, с чувством выполненного долга он закурил крепкую сигарету «Голуаз» и глубоко затянулся. Предстояла тотальная чистка местного французского населения, среди которого Сюртэ всё чаще раскрывала инакомыслящих, сторонников голлистского Сопротивления или лиц симпатизирующих коммунистическому движению. Нельзя сказать, что мероприятия по подобным репрессиям были как-то очень приятны адмиралу. Деку считал себя человеком высокой культуры и тонкого вкуса. Он понимал музыку Клода Дебюсси, ценил живопись импрессионистов, восторгался архитектурой Османа. Ему претила гитлеровская зоологическая политика целенаправленных, псевдонаучно обоснованных этнических чисток. Свою миссию в Индокитае он считал цивилизационной – не сомневаясь в превосходстве своей культуры над местной, он рассматривал постепенное офранцуживание местной элиты как благо для всего населения Индокитая.

Его мысли были прерваны бесцеремонным стуком в дверь. Жак Коллу буквально ворвался в кабинет генерал-губернатора, всё ещё стискивая в побледневших и деревенеющих пальцах вверенный ему документ с еврейскими фамилиями. Вытянувшись в струнку напротив его стола, он возбуждённо отрапортовал.

– Мой адмирал, мы атакованы. Сиамские войска вторглись в пределы Франции на индокитайской границе.

Деку поперхнулся коньяком. Это было уже чересчур. После поражения, понесённого французами в Лангшоне, тайцы сочли их войска настолько слабыми, что без объявления войны бесцеремонно приступили к переделу южных территорий, на которые Франция имела безраздельные права.

Деку обладал обширными знаниями идеологического наследия своих предшественников, постепенно осваивавших эти территории, начиная со времён Второй империи. Около полувека назад Огюст Пави, французский исследователь и этнолог, отправившись в экспедицию по Лаосу и столкнувшись там с китайскими тайпинами из армии Чёрного флага, безнаказанно громившими и грабившими лаосские города, организовал эвакуацию королевской семьи по Меконгу и, призвав части Иностранного легиона, выбил пиратов из городов.

Лаосский король тогда присягнул на верность Империи, а месье Пави предъявил тайскому королю Раме V ультиматум, по условиям которого тот вынужден был признать французский протекторат над Лаосом.

Теперь тайский генерал-майор Пибун, при молчаливой поддержке своих союзников из Японии, развернул боевые действия не только в Лаосе, но и в Камбодже, которая отошла к французам ещё при Наполеоне III.

– Терро ко мне! – выкрикнул побагровевший адмирал.

Уже через полчаса порог приёмной степенно переступил контр-адмирал Жюль Терро при полном параде.

– Жюль, нас атаковали с земли и с воздуха, – пожаловался Деку. – Их ВВС прекрасно вооружены и обучены японцами. Необходимо дать достойный ответ на море.

Терро кивнул.

– Какими силами мы располагаем на данный момент?

– Я организую оперативную группу из крейсера и четырёх шлюпов. Думаю, мы способны полностью уничтожить флот противника, мой адмирал.

– Отлично! Одновременно мы начнём мощное контрнаступление на суше.

Но французское контрнаступление на суше в тот раз захлебнулось и утонуло в шквальном артиллерийском огне.

Внимательно наблюдавшая за конфликтом Япония, тут же поставила перед обеими сторонами ультиматум о немедленном прекращении боевых действий. Скрепя сердце и стиснув зубы, паладин расового превосходства Деку подписал соглашение об уступке спорных территорий в пользу Сиам. Генерал Накамура лицемерно выражавший на церемонии примирения сожаление о «досадном недоразумении при Лангшоне» от имени микадо, буквально продиктовал сторонам условия заключения мира, после чего телеграфировал в Токио, что дорога на Индию открыта. Заручившись верноподданническими заверениями в союзнчестве уже произведённого в фельдмаршалы Пибуна, он действительно обеспечил Японии беспрепятственный путь по бирманской железной дороге в сторону Малайзии и главных жемчужин британской и нидерландской колониальных корон, считавшихся, наряду с США принципиальными врагами Империи. Закрепив за собой власть, тайские фашисты переименовали древнее многонациональное королевство Сиам в Таиланд – по имени титульной этнической группы, и запустили маховик планомерных притеснений и репрессий этнических меньшинств

В декабре, уничтожив на Гавайях восемь американских крейсеров, половину ударной силы военно-морского флота США, а также базу ВВС в Маниле, в другой американской колонии, Япония тем самым развязала себе руки для полномасштабной агрессии по всему Восточному полушарию.

Адмирал Деку по приказу маршала Петэна предоставил японским войскам коридор для беспрепятственного прохода и базирования в Индокитае в обмен на формальное право сохранять за собой видимость власти Вишистского режима. Так расовый тамплиер постепенно превратился в послушную марионетку в безжалостных руках Накамуры и Хирохито. Французский Индокитай стал не только перевалочной базой для победоносных императорских войск, но и обязался снабжать Японию рисом, маисом, каучуком, углём и другими полезными ископаемыми в обмен на текстиль и промышленную продукцию.

10.

Дождь уже пятые сутки упорно стучал по густому покрову ползучих, хватких лиан с их клейкой листвой, по естественному широковетвистому навесу мангровых деревьев над землянкой Хошимина. Товарищи, отбившие на встречу с гомиьндановскими генералами в Гуанси, запаздывали. Он лично выдал им пятьсот долларов, полученных от Коминтерна, из Москвы, для организации банкета с китайскими генералами. В этом его убедил товарищ

Хоанг, настойчиво доказывавший, что после такого банкета «нас будут больше уважать, и мы добьёмся большей помощи». Хошимин с непонятной для него самого, смутной тоской думал о том, как же давно он не видел своего старого друга Аня, этого искреннего романтика революции. Он с ностальгией вспоминал долгие споры, длившиеся до рассвета в Латинском квартале, чередовавшиеся с внезапно охватывавшими их порывами безудержного веселья, когда молодая кровь естественным образом брала верх над политической риторикой, и они начинали куролесить по всей столице.

Последнее, что он слышал о нём, было то, что Ань обрил себе голову на манер буддийского монаха, оделся в традиционное чёрное кимоно крестьянина и удалился в глушь, странствуя по отрезанным от колониальной цивилизации деревушкам Долины Джонок, добывая пропитание трудом рук своих и пытаясь заниматься пропагандой анархистских идей на селе, в исконном ареале простого народа. Сам Хошимин уже не первый год обретался в густых чащах Юннани, с тех пор как он был откомандирован сюда из Москвы, в качестве комиссара Восьмой армии. В год Тигра отбыл он из далёкой Алма-Аты, чтобы через безжизненные пески Гоби, обширные незаселённые пустоши Синьцзяна и зелёные нагорья Сычуани, добраться сюда, к партизанским базам Южного Китая. За последние несколько месяцев в приграничные с Тонкином провинции Китая продолжался массовый приток сознательных вьетнамцев, горевших желанием бороться против фашизма. Гоминьдановцы, чьи руки были по локоть в крови рабочих, бастовавших в Шанхае и Кантоне чуть больше десятка лет назад, заключили немислимый до того альянс с китайскими коммунистами, так называемый Второй Объединённый фронт. Они вынуждены были пойти на это во второй раз перед лицом несокрушимого врага с далёких островов, уже оккупировавшего всю Азию, полмира. Теперь они всё чаще обращали свои взоры на Индокитай. Если японцы довольно успешно вербовали себе там последователей из числа реакционеров, националистов и приверженцев эзотерических религиозных сект, вроде Као-дай или Хоа-хао, то Гоминьдан стремился максимально использовать в своих целях ресурс Сопrotивления, очевидно намного превосходивший профашистскую реакцию в сознании широких слоёв местного населения, порой даже зашкаливая.

Хошимин, как революционер закалённый годами невзгод и лишений, прошедший большевистскую кадровую школу в Москве, знал, что всё, что требуется этим массам – это направляющая их стальная рука. С наивными мечтаниями товарища Аня можно было веками и даже тысячелетиями ожидать великого массового движения, наподобие «жёлтых повязок», тайпинов или тэйшонов, способного на прыжок в небеса, в народную утопию. «Нет, – думал Хошимин. – Мы пойдём другим путём. Непобедимой, колоссальной силе машины японского милитаризма, во всём схожей с железом и сталью, можно противопоставить только железную дисциплину и стальную организацию большевистской партии».

Хошимин хорошо знал историю своего народа и очень гордился ею. «Монголо-татары подчинили себе просторы Евразии, надели ярмо на Русь и Китай, привели в ужас Японию, спасшуюся чудом, благодаря вмешательству божественного ветра «камикадзе». И именно мы, вьетнамцы стали единственными, кто нанёс военное поражение их ужасной орде, причём неоднократно, трижды. Хитрость, решительность, сплочённость. Иначе, каждый будет думать только сам о себе, и мы навсегда останемся в рабстве». Именно подобные размышления неминуемо приводили Хошимина к моральной поддержке сталинских процессов тридцать седьмого года и директив о политическом искоренении троцкизма. По доходившим из далёкой Кошиншины сведениям троцкисты и анархисты продолжали свою отчаянную, безумную и дерзкую борьбу в подполье Сайгона. Но эти элементы следовало выкорчевать, как это делал товарищ Сталин. «Когда-нибудь народы поймут эту оправданную жестокость. Без этой кристально-чистой, алмазно-твёрдой, совершенной воли, без этого безжалостного отсечения сомневающихся и попутчиков, мы никогда не сможем стать сильнее, чем наш

чудовищный враг, мы никогда не выстроим партию, как единый, целостный, могучий организм. Партия – это организм, состоящий из множества взаимосвязанных между собой клеток, причём связанных нерасторжимо, пусть даже связью на данном этапе может быть только тотальный террор. Террор – это лишь инструмент власти, а власть это инструмент революции. *Моей* революции, такой, какой её вижу я, народный вождь. В том, что я народный вождь не сомневаюсь ни я сам, ни мои последователи, ни Москва. Народ пока ещё не знает об этом, и поэтому мне так сильно нужна власть. Без власти все эти теории, весь этот гуманизм, коммунизм, марксизм – ничто, пища для досужих игр интеллектуалов».

Не мог Хошимин согласиться и с основателем итальянской компартии Амадео Бордигой, с которым встречался на V конгрессе Коминтерна. Бордига проводил знак равенства между фашизмом и демократией и поэтому отвергал тактику создания рабочих правительств, народных фронтов и вообще любой политической, парламентской деятельности. Он выступал за мировую революцию рабочего класса во главе с мировой же коммунистической партией, в которую должен был трансформироваться Коминтерн. Хошимин в этом вопросе опять же отдавал предпочтение линии Зиновьева-Сталина. Он уже решил для себя, что будет пользоваться любыми альянсами – с демократами, националистами, голлистами, китайцами, американцами, хоть с самим чёртом, но он непременно добьётся обретения национального суверенитета, а затем и конституционной и международной легитимации своего личного контроля над ним. Подход товарища Бордиги к освобождению пролетариата, при всей своей искренности так же требовал тысяч лет выжидания, а стольким временем Хошимин не располагал. Он сделает свой вклад тем, что возьмёт власть в свои руки, как бы она ни называлась – диктатурой пролетариата или демократической республикой.

У входа в землянку раздалось осторожное шуршание, затем внутрь просунулась голова товарища Фам ван Донга. Он усиленно щурил глаза, пытаясь отыскать во тьме силуэт своего вождя. Быстро привыкнув к темноте, он разглядел Хошимина и пробрался в землянку. Отчитываясь о выполнении задания, он не мог скрыть своей радости:

– Гомиьндан согласен признать нашу организацию, Вьетминь, в качестве лидера Соппротивления и революции, если мы вступим во Вьетнамскую революционную лигу, где нам отводится большинство руководящих постов. Китайские генералы ссылаются на завет Сунь Ятсена о долге помогать угнетённым народам и готовы оказывать материальную и военную поддержку на определённых условиях. Эти условия оговорены в проекте резолюции, которую Вам, дорогой товарищ Хо, предлагается подписать и издать для всенародного движения от своего имени.

Фам бережно вытащил из-за пазухи сложенный вчетверо листок и, склонив голову в почтительном поклоне, двумя руками протянул его Хошимину. Тот, чиркнув спичкой, зажёл керосиновую лампу и начал внимательно вчитываться в строчки, специально для него составленные на вьетнамской латинице:

«Возможно, китайским войскам придётся перейти границы нашей страны в целях ведения боевых действий против Японии; наша тактика заключается во временном альянсе с китайскими войсками, направленном против Японии и Франции и основанном на принципе взаимопомощи между равными».

11.

– Мишель, держи расчёт! – это сосед, Ви, тяжело поднялся с кушетки.

Когда я с готовностью подскочил к нему, он всучил мне смятую банкноту и так же тяжело начал ковылять к выходу. Двадцать пять лет, молодой ещё парень, а уже пристрастился к курению опиума. На выходе он, словно вспомнив о чём-то, обернулся и швырнул мне монетку – на чай. Но как только дверь затворилась, снаружи взревел мощный мотор. Я быстро выбежал на улицу, как раз вовремя, чтобы успеть увидеть, как Ви, нависнув левым коленом над землёй, на всей скорости совершает лихой поворот налево с улицы Массиж

в сторону рынка Бен Тхань на своей «Яве». Мотоцикл у него просто дивный, и чего бы я только не отдал, чтобы прокатиться на таком! Ему его доставили прямо из оккупированной Чехословакии. Когда Ви начал гонять под нашими окнами даже дядя Нам пробудился на пару минут от своей спячки, и выбрался на балкон, чтобы поглазеть на «Яву». Одурманенный парами опиума молодой сосед просто преобразился на мотоцикле. Он становился настоящим лихачом. Дядя Нам тогда выписал себе автомобиль из Франции, «Пежо-402», да ещё и нанял шофёра, чтобы не ударить лицом в грязь перед соседями. Теперь, чтобы хоть как-то использовать свой автомобиль, дядя Нам стал выезжать вместе со своей компаньонкой по вечерам на рю Катина – пропустить аперитив-другой.

Как-то раз мы с Софи и Рене выехали с ними. Мы сидели за столиком на открытой террасе у Оперного театра. Несмотря на оживлённую атмосферу, щебет кокоток, галантные острооты денди и целый парад европейских мод, дядя с подружкой целый час клевали носами перед своими полными стаканами с пастисом, вяло здороваясь со знакомыми, чуть ли не засыпая на ходу и постоянно почёсываясь. Казалось, что их нещадно терзал какой-то сильный вид крапивницы. Потом они попадали со стульев. То есть сначала соскользнула на землю тётя Фын, и дядя Нам её поднял, усадив на плетёное кресло, а через некоторое время он сам начал потихоньку крениться вбок и вскоре рухнул на пол прямо с зажжённой сигаретой во рту. Фын хихикнула и вновь погрузилась в изучение своего мутного, клубящегося аперитива. Мы с Софи бросились поднимать дядю. Рене побежал за шофёром. Вот так и прогулялись. Хорошо хоть успели доесть наше мороженое. Зато в гараж под домом мы вернулись с помпой, шофёр поминутно нажимал на клаксон и все жильцы соседних домов так и повысыпали на балконы.

Но всё же, на мой взгляд, соседская «Ява» была круче, чем наш «Пежо». Тогда я только и мечтал о том, что когда вырасту, и в Сайгоне наступит мир, я сменю свой «велo» на «Яву», и буду гонять по ровным проспектам родного города, с их срезанными углами и красивыми видами, и по разбегающимся в разные стороны от них второстепенным улочкам без трупов и воронок от бомбоударов. Я вернулся в салон опиумокурильни и начал старательно начищать трубку, которой пользовался Ви. Это было одной из моих обязанностей. Соскоблив весь нагар, я вынес и отдал его бродяге, который лёжа скрючившись на противоположном тротуаре, дожидался этого ещё с ночи. Эти бедолаги, нищие наркоманы, подсевшие на зелье, не будучи в состоянии финансировать столь дорогостоящий порок, частенько проводили так целые сутки, распластавшись напротив опиумокурилен, выпрашивая «вторяк», то есть нагар с опиумных трубок.

Когда я вернулся в салон, место Ви уже было занято новым завсегдатаем, французом. Я подошёл, чтобы принять заказ. Не замечая меня, он не отрываясь глядел на дамочку, развалившуюся на подушках вместе со своим мужем на кушетке прямо напротив него. Перехватив её взгляд, он расстегнул ширинку, вытащил свой член и потряс им перед ней. Женщина в кокетливой шляпке, отбросив вуаль, обернулась к мужу и, удостоверившись, что тот мирно дрыхнет, одурманенный несколькими затяжками опиума, медленно, с вызовом отвечая на взгляд эксгибициониста, подняла вверх свои ноги, задрав юбку. Трусики на ней не было. Они широко и похотливо оскалились друг на друга. Внезапно дверь распахнулась и через порог переступила неприятная компания – японский офицер, бритый наголо с самурайским мечом, катаной, на поясе, в сопровождении двух пехотинцев с винтовками, под дулами которых были насажены до блеска вычищенные, свежезаточенные штыки. Офицер медленно обвёл каждого из присутствующих бесстрастным, не выражающим абсолютно никаких эмоций взглядом. У меня было такое впечатление, что он вот-вот стремительным движением выхватит свой меч и начнёт срубать головы французских наркоманов как капусту с грядки. Но он ничего такого не сделал. На его узких губах заиграла пренебрежительная усмешка.

Он медленно развернулся и, кивнув солдатам, вышел на улицу. Троица растворилась так же внезапно, как и появилась.

Я посмотрел на нового клиента – он побледнел, и его лоб покрылся испариной. Впрочем, из всех присутствовавших страх испытали только мы с ним. Остальные посетители, уже получив каждый по своей дозе опиума, наблюдали за всей этой сценкой глазами не менее бесстрастными, чем у японского офицера. Полулёжа на своих кушетках, посасывая свои трубки, они бессмысленно рассматривали японцев, пока те не ушли. Казалось, им было бы абсолютно безразлично, если бы их тут же начали убивать. Когда же японцы, наконец, скрылись, курильщики продолжали тупо таращиться на закрывшиеся двери. Я приготовил французскую трубку, отошёл за прилавком и включил радио. Новости, как всегда начинались с фронтальных сводок. Немцы потерпели сокрушительное поражение под Сталинградом. После блока новостей из радиоприёмника полился залихватский мотивчик фокстрота. Новый посетитель вскочил со скамейки, подмигнул мне и начал быстро и ловко двигаться под музыку. Я тоже начал двигаться за прилавком, стараясь в точности повторять его движения. Мы засмеялись. Остальные, откинувшись на подушки, отвлеклись от созерцания входных дверей и теперь вопросительно пялились на нас.

12.

Нехожеными тропами пробирался товарищ Хошимин в Гуанси. Он шёл две недели пешком, питаясь дикими плодами манго, авокадо и водой из лесных родников. Он старательно прятался от гомиьндановских патрулей, но в городе Тук Винь его всё-таки арестовали. Зорко следивший за ним генерал Чжан Фагуй разгадал его замысел – встретиться с Мао Цзэдуном или даже с самим генералиссимусом Чан Кайши напрямую, перепрыгнув через его, Фагуя, голову.

Хошимин в тот период всё больше вдохновлялся идеями Мао о насильственном захвате власти через революционную войну крестьянства. Всё-таки говорить о диктатуре пролетариата в Индокитае было рановато, а значит с точки зрения борьбы за власть бесполезно. Почему бы не воспользоваться идеями о совместной диктатуре нескольких общественных классов? Установить такую форму правления можно было лишь подтолкнув в пекло вооружённой борьбы массы самого многочисленного класса, крестьянства, а, следовательно, в данных условиях, через партизанскую войну. Генерал Фагуй не мог знать о том, что в верхних регионах Тонкина неким Зиапом Нгуеном были уже сформированы повстанческие партизанские ячейки Вьетминя.

Ещё в сороковом Фам ван Донг и Зиап Нгуен, два старых революционера, закалённых подпольем, первыми отправились на партизанские базы Юннани в целях прохождения боевой и политической подготовки. На пути их настигли, было, специальные агенты Сюртэ, но подпольщики спрыгнули с поезда на полном ходу и, переплыв через Красную реку, добрались до места назначения невредимыми. Здесь они встретили Хошимина, только что притопавшего пешком из Алма-Аты. Узнав о взятии Парижа немцами, он приказал им немедленно возвращаться в Тонкин и, не проходя ни политической, ни боевой подготовки у китайцев, самим создать партизанскую базу для истинных патриотов в приграничных районах Вьетбака, наладить там агитационно-пропагандистскую работу и запустить в работу учебно-тренировочный центр. На базе первоначально собралось ядро приблизительно из тридцати человек. Это были самые настоящие оборванцы, обутые в сланцы, сделанные из автомобильных покрышек. Но Зиап видел в них основную мышцу, сердце своего будущего войска, и принялся эту мышцу упорно тренировать. По утрам они совершали пробежки на вершину холма, где оттачивали навыки боевых искусств вьет-водао. Сначала, после короткой разминки, они занимались дыхательными упражнениями, вроде «Круговорота энергии», потом переходили к силовым кюйенам. Напоследок они устраивали вольные спарринги между

собой и медитировали, а по вечерам, приведя тело и дух в нужное состояние, достигнув баланса сил жара и холода в сердце, выходили на дело.

Сам Зиап, засучив рукава, лично взялся за стрелковые дисциплины, отобрав нескольких самых решительных и по-боевому настроенных товарищей, которые пришли к нему с оружием. Они вооружились во время первого японского вторжения, когда вишистские солдаты панически бежали, побросав там и сям довольно большое количество винтовок и пистолетов. Поскольку на повестке дня, стояло в первую очередь революционное самоворужение, боевая группа Зиапа сразу занялась борьбой на два фронта, организовав регулярные налёты как на французские, так и на японские дозоры с целью пополнения боевого арсенала и ликвидации врага. Кроме того, они развернули кампанию финансовых экспроприаций, сконцентрировав её на банках, сберкассах и почтовых отделениях приграничных городков и населённых пунктов. Но это была лишь прелюдия к продолжительной герилье. Прекрасные густые леса и зелёные, крутые отроги известняковых массивов Вьетбака были словно созданы для упорной и продолжительной борьбы против чужеземных захватчиков.

Генерал Фагуй понял, что просчитался в своих попытках создать вьетнамский аналог Гоминьдана без участия коммунистов из Вьетминя, объединив и смешав в революционной Лиге все оппозиционные элементы, жаждавшие поучаствовать в переделе будущей власти, от крайне правых до умеренных либералов. Так, к примеру, он настойчиво рекомендовал включить в предполагаемое Временное правительство Тама Нгуена, лидера вьетнамских национал-социалистов, открыто опекаемых японской военщиной в Тонкине. Кроме того, он лоббировал кандидатуру другого националиста Хай Тхана в президенты Исполнительного комитета и даже назначил ему ежемесячные ассигнования в размере ста тысяч юаней на организацию шпионажа и подрывной деятельности против японцев в Ханое и Хайфоне. Тем не менее, ни одна из входивших в Лигу организаций не могла ни предоставить достоверных сведений, ни похвастаться успешными операциями против японцев, кроме всё тех же ненавистных Фагую коммунистов из Вьетминя.

Скрепя сердце, Фагуй пошёл на послабления тюремного режима для Хошимина, сначала разрешив ему свободно выходить на связь со своими товарищами, находившимися на свободе, потом временно освобождая его для участия в мероприятиях Лиги. Следуя неумолимой логике войны, в августе сорок четвёртого, когда уже был освобождён Париж, он пригласил своего узника к себе в штаб, чтобы дать ему полную свободу и договориться об условиях дальнейших совместных действий.

Генерал Фагуй внутренне смирился с тем, что Хошимин будет держаться нагло и самоуверенно и был даже слегка удивлён его манерами, когда того ввели. Хошимин разговаривал спокойно, ничем не выказывая каких-либо обид.

– Надеюсь, Вы не станете возражать против вхождения наших войск на территорию Индокитая в случае необходимости? Концепция военной помощи подразумевает это, – сразу поинтересовался генерал.

Хошимин отрицательно покачал головой:

– Нет, не стану. Принципы военной помощи между равными действительно не противечат этому. У нас общие враги.

– Каковы Ваши ближайшие планы, если мы немедленно выпустим Вас на свободу? – Фагуй пытливо посмотрел на коммуниста. Тот лишь слегка сощурился и едва заметно погладил свою ленинскую бородку.

– Я берусь организовать, как минимум две партизанские базы на той стороне границы.

Фагуй нервно побарабанил пальцами по столу. О помощи должен был попросить первым вьетнамец. Ладно, чёрт с ним.

– Что Вам потребуется для этого от нас?

Хошимин ждал этого вопроса.

– Мне нужно до тысячи винтовок и хотя бы пятьдесят тысяч пиастров на первые два месяца.

– Я дам Вам двадцать пять тысяч.

– Согласен.

Фагуй довольно потёр руки. Парень оказался сговорчивее, чем он думал.

– Насчёт оружия – нет проблем.

– Отлично. Кроме того мне нужен заверенный лично Вами, генерал, перманентный пропуск и мандат о том, что я уполномочен революционной Лигой осуществлять в Индокитае все действия, которые сочту необходимыми.

Генерал слегка побледнел. В этом он был взят врасплох.

– На это я пойти не могу, – недовольно протянул он.

– Генерал, я, как и мои товарищи, хорошо осознаю, что мы не сможем ввести социалистический режим сразу после Освобождения. Мы стремимся к установлению антифашистской народной демократии. Даю Вам слово.

В такие исторические моменты особо одарённые политики и революционеры, запросто торгуют социально-экономической формацией, как неким особо ценным бизнес-активом, или инвестиционной гарантией. И неважно, каковы их идейные пристрастия. Если такой революционер – не оторванный от жизни неисправимый идеалист, он обязательно будет торговаться всем – названием, геополитической ориентацией, будущим строем своей страны. Только тогда одарённый революционер придёт к истинному успеху. А истинный успех любого политика – это власть. Голос Хошимина звучал в этот момент ещё твёрже, чем в начале разговора. Фагуй, поразмыслив, решил согласиться. Всё равно решаться это будет не на их уровне, пусть тешит себя иллюзиями, если угодно.

– Мы всё равно должны будем защищать Вашу демократию. Когда Вы готовы отбыть в Тонкин?

– В течение месяца. Я сам должен буду отобрать товарищей из Вьетминя, которые будут меня сопровождать.

Фагуй кивнул.

– Хорошо. Что-нибудь ещё?

– Хорошо бы мне ещё личный револьвер для самообороны.

– Револьвер Вы получите перед отбытием. В течение месяца – остальное.

Товарищ Хошимин порывисто поднялся. Идейные враги скрепили свой уговор крепким рукопожатием, твёрдо глядя друг другу прямо в глаза.

13.

Всю свою долгую жизнь Зиап не забывал тот стремительный прыжок с поезда на полном ходу. Удушающие руки охранки Сюртэ почти сомкнулись на горле революции, когда он пинком вышиб дверь тамбура, и ему в лицо дохнуло прохладной пустотой. Он шагнул в эту тёмную бездну без оглядки и уже когда тренированное тело, верно сгруппировавшись, катилось по откосу, он понял, что удача дала ему уникальный шанс спасти дело революции. «Кто, если не я, если не каждый из нас?», часто думал он в последние годы. Благодаря его примеру, за Зиапом так же без оглядки прыгнул и Фам ван Донг, и это его спасло. Уже потом был стремительный бег через хлещущие по лицу колючие кусты и прыжок в холодные воды Красной реки. Зиап не мог знать, что его жена, его хрупкая Минь Тай, едва успеет спрятать у родителей дочь, их маленькую Королеву красных цветов, перед тем как за ней самой придут жестокие, обозлённые жандармы.

Зиап и его люди прятались в пещерах под шумными потоками водопадов, выныривая лишь в ночи, чтобы выйти в очередной рейд за оружием, провиантом и деньгами. «Кормиться в период войны надо за счёт врага», так гласил канон, которому Зиап неуклонно следовал с самого начала своего воинского пути.

Когда ему передали весточку о жене, она была уже мертва, и её изувеченное пытками тело впервые за годы мучений в застенках обрело покой в огне кремации. Узнав об этом, он почувствовал, что земля начинает уходить у него из-под ног, и поначалу ему даже казалось, что это сломит его навсегда, как и рассчитывали его враги. Но уже на следующий день он с кристальной ясностью ощутил, как в нём растёт ненависть и холодная решимость мстить угнетателям своего мирного народа.

Ненависть к французскому капитализму жила в нём давно, как бы на уровне кровной мести. Ведь сначала они пришли за его отцом, давшим ему жизнь и достойное образование. Его скрутили на глазах у детей и замучили насмерть в местном отделении жандармерии. Зиап навсегда запомнил формулировку «за подрывную деятельность». Он не знал, что это значит, но уже тогда не имел никаких сомнений о том, чем займётся, когда вырастет – подрывной деятельностью.

Со своей женой, со своей сладкой Минь Тай, он познакомился в возрасте девятнадцати лет, когда отмотал свой первый срок – за подрывную деятельность. И вот, теперь её нет, а он медитирует, привалившись спиной к отвесной скале, скрытый в глубине пещеры от посторонних глаз бурным каскадом ледяной горной воды. Мысли его плавно текли под шум водопада:

«Мой враг намного сильнее меня, – думал он. – Я не могу позволить себе роскошь наброситься на него с голыми руками и дать ему растерзать себя. Во имя моего отца, во имя незабвенной Минь Тай, во имя Королевы красных цветов, я должен неуклонно идти к победе и торжеству справедливости. Небо и земля стонут, когда гармония нарушена несправедливостью злого человека, тирана и самодура. Мне помогут Доктрина, чувство Времени и знание Пространства, Справедливость и Дисциплина. С Доктриной я впервые повстречался ещё в лицее, когда она открылась передо мной в виде агитационного листка, подписанного дядюшкой Хо. Благодаря товарищу Хошимину у нас есть Доктрина, способная поднять весь народ, от мала до велика и сплотить его в титанической борьбе. Но пока... Пока я должен предельно чётко знать силу и слабость этих людей, которые пришли сюда со мной и готовы погибнуть в борьбе. У Кузнеца сильные руки, кулаки как кувалды, но он неповоротлив и добродушен. У Хайфонца посредственные физические данные, но высоки моральные качества, чувство достоинства и ответственности за своих товарищей. Такой не отступит в драке, он способен противостоять и пяти Кузнецам. Шланг хитёр и ловок, воровская сноровка позволит ему обходить врага в самых неожиданных местах, появляться, где его он не ждёт и заставить его врасплох. Каждый раз, когда мы нападали на посты гвардии Виши, на полицейские участки и на банки, враг нёс потери, из моих же не пострадал никто кроме меня. Я заработал пулю в ногу, но с ней так же уверенность в своём полководческом призвании, в своём воинском пути. Теперь пора перейти к изучению врага. Главное наше преимущество – неожиданность. Японские фашисты не считаются с нами, они манипулируют доверчивыми французами и делают ставку на местных из правых марионеток. Им и в голову не придёт догадаться о нашем невозможном альянсе с американцами, – Зиап окинул взглядом солидный арсенал, складированный у стены. Новенькие, пахнущие заводской краской пулемёты с маркировкой лучших оружейных заводов США, гранатомёты с аккуратно разложенными по ящичкам гранатами, внушающие благоговейный трепет ранцевые фугасные огнемёты. Он едва заметно усмехнулся. – Фашисты думают, что если мы нападём на них, то с набором кухонных ножей, вилами и цепями для молотыбы риса, и тогда они преподадут нам урок кендо. Об этом хорошо знает и прагматичный американец Архимед, доставивший ценный груз. Он ведь не пошёл к правым, а значит в этом заключается его трезвый расчёт. Он даже намекнул, что представляет только «Оленей», команду разведчиков и контрабандистов оружия, работающих на правительство, но что если наши операции будут успешны, за «Оленями» придут «Летучие Тигры», которые окажут нам поддержку с воздуха. ‘Когда он обо-

роняется, он прячется в глубины ада, когда он атакует, он нападает с высоты небес', – Зиап с шумом втянул в ноздри пещерную сырость и глубоко выдохнул. – Потом Архимед, не теряя времени, провёл грамотный технический инструктаж и практические занятия, позволившие мне лучше распределить оружие и даже наметить стратегическую диспозицию для каждого из моих бойцов».

Зиап вытащил из-за пазухи тончайший листок рисовой бумаги, на котором нетвёрдая рука мальчишки из племени Нунг грифелем вывела план дислокации ближайшего гарнизона армии Ямато. Он углубился в изучение рисунка.

14.

Рассвет тускло бледнел среди мангровых зарослей, когда Зиап выстроил «Бригаду вооружённой пропаганды» на зелёном плато над водопадом.

– Товарищи, – сказал он. – Сегодня великий день. Мы объявляем войну оккупантам из милитаристской Японии. От имени борющихся народов всей земли, от имени всего прогрессивного человечества, мы будем бить и гнать прочь фашистскую гадину, как из армии маршала Петэна, так и из армии императора Ямато, до тех пор пока не очистим от этой скверны нашу Родину. Мы будем мстить за слёзы матерей и кровь невинных жертв, без пощады и без страха. Вперёд, товарищи, к победе коммунизма!

Босые партизаны молча вскинули сжатые кулаки, обращая ввысь автоматы и штык-ножи. Потом, растянувшись индейской цепочкой, гуськом, они углубились в густые джунгли, следуя по невидимым постороннему глазу тропкам за мальчишкой из местного племени Нунг.

Прибыв на место, каждый начал занимать те места, на которые ему заранее указал по карте товарищ Зиап. Партизаны постепенно и планомерно окружили японскую базу, заняв огневые позиции, окопавшись и застыв в положении полной боевой готовности.

Не дожидаясь всего этого, Шланг уже змеёй скользил по-пластунски в сторону деревушки. Вслед за ним, метрах в двадцати пополз Стриж, с тяжёлым гранатомётом на спине. Хайфонец с Кузнецом сымпровизировали редут из валунов за спиной Стрижа. Дуло их пулемёта смотрело в сторону базы прямо над бритой головой Стрижа, едва видневшейся в высоких травах.

Шлангу не составило труда быстро вычислить за каким из окон находятся командующие базой офицеры. Подкравшись под это окно, он довольно долго прислушивался к равномерному чавканью и постукиванию палочек о дно чашек, доносившемуся из раскрытой настёж форточки. Офицеры в гробовом молчании доедали свой ужин, когда за окном, наконец, мелькнула долговязая тень, и в форточку влетела граната. Лейтенант Негири молниеносно отреагировал, бросившись на гранату животом, чтобы спасти соратников, а капитан Такаси после взрыва столь же молниеносно подбежал к окну с пистолетом наготове и успел сделать выстрел вслед стремительно скользившему прочь Шлангу. Вспышка от выстрела ярко очертила траекторию улетевшей в заросли пули, и Стриж, прицелившись, уверенно нажал на спусковой курок. После двух взрывов из всех окон началась беспорядочная пальба по трепетавшим от летнего ветерка листочкам окружавшего деревню чапарала. Она продолжалась до тех пор, пока выстрелы не были прерваны отрывистыми, гавкающими командами. Видимо, определился старший по иерархии и вот уже японские солдаты, кто в зелёной униформе, кто в домашних тапочках и белых халатах, подпоясанных у некоторых мечами в ножнах, выбежали и спешно выстраивались на плацу. Только собрав всех до единого, временный командующий гарнизоном, отдал отрывистую команду к бою.

– Стреляй, – прошептал Кузнец, но Хайфонец лишь отрицательно покачал головой. Кузнец напряжённо следил, как ползут в сторону леса Шланг со Стрижом. Они двигались

очень ровно, как на учениях, Шланг впереди, Стриж в двадцати метрах сзади, даже выползая на открытые проплешины среди зарослей, они продолжали свои отработанные на учениях движения, помогая руками и ногами своему телу скользить, не поднимая головы или корпуса, и не допуская резких движений.

Вслед за ними, оцетинившись штыками и мечами, в атаку перешёл отряд противника.

– Стреляй же! – взмолился Кузнец, но Хайфонец оставался непреклонен. Кузнец выхватил из кобуры свой пистолет и щёлкнул затвором, но Хайфонец, не оборачиваясь и не отрывая взгляда от шеренги японских солдат, положил ему руку на плечо, и одним этим жестом остановил и успокоил его. Когда Шланг прополз мимо них, Стриж развернулся, присел на колено и снова уверенно нажал на курок. Снаряд врезался в наступавшую массу, и пока Стриж падал на землю, чтобы ползти дальше, Хайфонец открыл прицельную стрельбу по врагу. Теперь со стороны японцев раздались залп, другой, третий. Били по позиции Хайфонца. Когда ответа не последовало, раздалась новая отрывистая команда к наступлению. Хайфонец с Кузнецом тем временем уже отползали среди зарослей в двадцати метрах от Стрижа, вслед за ним. Достигнув позиций на окраине леса, они развернули пулемёт, установив его в одном из просветов. Японские солдаты перешли на бег. Они уже почти достигли пределов терпения Кузнеца, как вдруг со всех сторон из мангровых зарослей застрекотали пулемёты, а на авангард хлынул всепожирающий фугасный огонь.

15.

Хошимин сдержал слово. Уже двадцатого сентября, получив лично от генерала Фагуя семьдесят шесть тысяч юаней и именной револьвер, он немедленно отправился в сторону границы в сопровождении восемнадцати отборных товарищей, включая Фам ван Донга, в сторону баз Зиапа Нгуена.

В октябре по всему Тонкину было распространено его «Обращение к соотечественникам», в котором, к полному удовлетворению Чжана Фагуя, в частности, выражалась уверенность в братской «помощи Китая нашей национально-освободительной борьбе». В то же время, он отнюдь не отказался от своей идеи обойти Фагуя и переиграть Гомиьндан. Он вовсе не одумался, как могло показаться Фагую, за те два года, что он провёл в чанкайшистских застенках. Находясь в тюрьме, он слышал по радио обращение де Голля. Голос вождя французского Сопротивления, то и дело прерываемый помехами, долго и пространно вещал с далёких североафриканских берегов, о будущем свободной Франции, о создании нового франкофонного сообщества на федеративной основе, о придании нового статуса индокитайским народам. Хошимин захотел узнать побольше о том, что именно мог иметь в виду де Голль. У него зародились новые идеи. Они никогда не забывал о цели всей своей жизни – о контроле над национальным суверенитетом. И неважно от кого придёт эта власть – дадут ли её ему Париж, Москва, Вашингтон, или он сможет захватить её сам.

Как только Фагуй пошёл на послабления тюремного режима, разрешив ему беспрепятственное сообщение с волей, он немедленно направил двух связных Вьетминя в столицу Юннани, город Куньмин, на встречу с консулом свободной Франции Руайером. Там те от его лица предложили голлистам создать совместный антифашистский фронт и немедленно начать вооружённую борьбу. Ответ от де Голля пришёл лишь три месяца спустя – он был согласен на сотрудничество с коммунистами, но в обмен обещал предоставить Индокитаю лишь определённую автономию в рамках новой Французской федерации, которая «объединит все французские земли». На самом деле эта формулировка принадлежала Франклину Делано Рузвельту. Бессменному президенту США от партии демократов претил термин «Империя», столь дорогой сердцу де Голля, и он недвусмысленно запретил ему любое его использование в политической документации.

Хошимин не знал об этом, но ему было бы всё равно. Услышав об этом, он бы лишь пожал плечами. Будучи последовательным приверженцем древнекитайской материалисти-

ческой философии, он был убеждён, что от смены названий вещи не изменяются. Отдельное явление могло получить сразу несколько новых имён, но при этом суть его оставалась бы неизменной. А здесь речь шла о таком щепетильном явлении как власть над людьми. В тот раз он промолчал. Уже перейдя границу, он узнал о формировании де Голлем Временного правительства Французской республики в Париже. Одним из первых решений генерала в качестве главы Временного правительства была организация Экспедиционного корпуса для отправки в Индокитай. Причём товарищи Хошимина из ФКП горячо поддержали это решение. По сведениям, доходившим из Москвы, СССР был готов признать правительство де Голля. Проявляя чудеса дипломатии, последний как мог, лавировал между Рузвельтом, уже не принимавшим его в расчёт, и Сталиным, которого он сам считал кровавым большевистским тираном. Несмотря на это, добившись приёма у Сталина, генерал не только смог заключить альянс с альтернативной сверхдержавой, но даже сумел выпросить у генералиссимуса статус одной из стран-победительниц для Франции, что, на его взгляд, возвращало ей величие по умолчанию. Хошимин задумался. Сделку, хоть какую-никакую, в принципе можно было бы заключить, но по условиям можно было бы ещё поторговаться. В данном случае вопрос упирался в сроки.

– Пока можете сказать их представителям, что мы согласны терпеть временную власть генерал-губернатора Индокитайской Федерации на срок от пяти до десяти лет ради последующей передачи полноты власти, гм, то есть, я хочу сказать национального суверенитета, в наши руки. На самом же деле, когда Германия потерпит окончательное поражение, Япония уже не выдержит общего натиска союзников. Тогда здесь не останется ни японцев, ни французов, а наши партийные ячейки будут повсюду. Американцы хотят только торговать. Нам останется лишь объявить нашу власть – медленно сказал он, связному, доставившему сведения из Франции, задумчиво глядя ему в глаза, сидя у костра в небольшом кругу партизан.

– Дядя Хо, вишисты сбили американского лётчика над джунглями. Наши его отыскивали и выходили, – сообщил другой связной.

– Из «Летучих тигров»?

– Так точно. Бомбил Трансиндокитайскую.

– Приглядывайте за ним. Мы переправим его в Юннань в полной безопасности. У меня есть идея.

На следующее утро, вооружившись своим неизменным револьвером и перманентным мандатом от Фагуя, Хошимин пустился в путь. Нехожеными тропами, известными лишь местным партизанам, он вновь благополучно добрался до Юннани. На этот раз гоминдаповцы не смогли помешать ему встретиться с генералом Шеннолтом из ОСС-ЦРУ и провести с ним сепаратные переговоры. Как он и ожидал, американские союзники по антифашистской коалиции были впечатлены наглядным доказательством присутствия партизан Вьетминя, как реальной силы в регионе, с которой следовало считаться. Спасённый американский лётчик стоил многого. Шеннолт лично преподнёс известному представителю Коминтерна шесть пистолетов, двадцать тысяч патронов и толстую пачку зелёных банкнот. Хошимин мягким жестом отодвинул доллары в сторону генерала. Чем-чем, а своим фирменным стоицизмом революционер всегда мог козырнуть в подходящий момент.

– Ваши деньги нам не нужны. Но мы были бы признательны за скорейшую военную поддержку США, – тихо сказал он американцу.

– Вы можете на неё рассчитывать, – пообещал Шеннолт. Это был высокий, сухощавый человек, одетый в лётную кожаную куртку, «бомбер», с гоминдаповской нашивкой на рукаве – белым солнцем на синем фоне. Американское правительство на той стадии не желало, чтобы ему приписывали военное вмешательство в дела азиатских государств. Формально эскадрилья «Летающие тигры» была набрана из добровольцев американского происхождения, якобы сочувствующих идеям Чан-Кайши. Как бы там ни было, вскоре после

этого разговора на базы Вьетминя начали регулярно поступать хорошо упакованные ящики с «кольтами-45», пистолетами-пулемётами Томпсона и портативными рациями американского производства. Разумеется, собеседники тогда не могли догадываться каких эпических масштабов достигнет военное вмешательство США в дела Вьетнама всего два десятка лет спустя.

16.

В июле сорок четвёртого, проведя скрупулёзную рекогносцировку местности в трёх приграничных областях Северного Вьетнама, Зиап посчитал, что его отряды самообороны готовы к полноценному восстанию. Он собрал большинство лидеров движения на базе, где уведомил их о предстоящем начале полномасштабной антифашистской войны на два фронта. Хошимин успел отменить это решение, запиской, отправленной с курьером, добравшимся до базы как раз вовремя, ещё до начала предполагавшихся боевых действий. Тем не менее, Зиап всё же объявил в этих трёх провинциях партизанскую «зону безопасности», открытую для всех коммунистов и антифашистов страны. Начался приток людей, на который рассчитывал Зиап. После первых операций он уже не сомневался в идейной стойкости и качестве человеческого материала, находившегося в его руках. Теперь ему позарез нужны были *массы* – настало время противопоставить врагу помимо качества ещё и количество.

В ноябре партизаны дядюшки Хо, как они его уже прозывали между собой, напали сразу на несколько аванпостов вишистской гвардии, завладев их арсеналами огнестрельного оружия, снаряжения и взрывчатых веществ. Реакция адмирала Деку была молниеносной. В регионе начались массовые расстрелы местного населения, заподозренного в пособничестве коммунистической герилье. Вооружённые отряды колонов прочёсывали местность, намеренно и целенаправленно уничтожая зерновые амбары местных крестьян, сжигая целые деревни, убивая мирных жителей.

– Только за последние две недели чрезвычайными судами Верхнего Тонкина к смертной казни было приговорено свыше трёхсот человек, мой адмирал, – докладывал Жак Коллу.

– Прекрасно! Так держать! Мы сотрём коммунистическую заразу с лица этой земли, – орал Деку, входя в раж, стуча обоими кулаками по столу и яростно пыхтя своей неизменной «Житаной», прилипшей к нижней губе.

– Тем не менее, мой адмирал, – Жак смущённо кашлянул. – Эти показатели никак не отразились на масштабе партизанских действий красных и статистике нападений на оружейные склады.

– Готовьте приказ от моего имени генералам Сабатье и Алессандри – я назначаю проведение новой карательной экспедиции на двенадцатое марта! – выкрикнул адмирал вне себя от гнева. Он просто взбеленился, натуральным образом. – Франция потерпела поражение везде, где только можно, но только не здесь. Здесь Франция не сдаётся! Здесь Франция не проиграет! Мы её последний оплот, и мы её отстоим.

О да, он отмстит красным за всё – и за горечь поражения национальной революции, и за бегство маршала Петэна в Зигмаринген, и за расовое унижение от японцев. Жак Коллу поклонился и вышел.

Девятого марта, после ночи взрывов, бомбардировок и зенитного огня, в опиумокурильне «У Нама» было необыкновенно пусто. Я вывел наружу свой верный велосипед и быстро покатил по рю де ла Помм. На городских улицах царило странное затишье, лишь издали слышался какой-то возбуждённый гул толпы, изредка прерываемый отрывистыми выкриками команд на японском, так сильно похожими на собачий лай. Когда я выехал на бульвар Шарне, моим глазам предстало странное зрелище. По обеим сторонам тротуара столпилось невероятное количество зевак из числа местного населения. Движение было перекрыто, и вдоль всего бульвара в сторону парка Мориса Лонга японские солдаты прикладами и штыками гнали целые толпы французов и других европейцев. В самом парке япон-

ская пехота выстроилась в каре, ошетилившихся рядами поблёскивавших на солнце, тщательно отточенных штыков.

В центре каре находилось несколько огромных клеток для крупных зверей из зоопарка. Вот в эти-то клетки японцы и сгоняли белых колонов, попеременно потчюя их точечными, явно болезненными ударами прикладов и бамбуковых дубин. Там же взад-вперёд неспешно прохаживался офицер с катаной на поясе. Я его узнал – это он заходил к нам в опиумокурильню с патрулём. Кто-то из французов начал вопить из клетки: «Проклятые япошки, да что вы себе позволяете! Что вы о себе возомнили, сукины вы дети?!». Офицер остановился, и знаком приказал солдатам вывести француза. Беднягу мигом выволокли из клетки, подтащили к офицеру и натренированным ударом прикладов сзади по ногам поставили на колени перед офицером. У меня было такое ощущение, что я и мигнуть не успел, как японец, выхватив меч, молниеносно, одним стремительным движением правой руки, отсёк лысую голову бессвязно бормотавшего проклятия француза и сильно пнул её своим начищенным до блеска хромовым сапогом, так что она остановилась лишь докатившись до клетки и уставившись своими удивлёнными, недоумевающими глазами на пленных. Толпа зевак вокруг ахнула в один голос, а в клетках как-то разом все смолкли, так что над всем парком нависла гробовая тишина, в которой, казалось, было слышно мух, сразу же зажужжавших над телом казнённого. А офицер, вытерев меч о гимнастёрку одного из солдат и вложив его в ножны, продолжил неспешно прохаживаться взад-вперёд, заложив руки за спину, как ни в чём не бывало. Позже я узнал его имя. Это был капитан Ичигава, который в тот же день возглавил Сюртэ Кошиншины и перебрался в жёлтое здание на Катина с наглухо закрытыми ставнями.

В ту же минуту посол Мацумото в сопровождении конвоя стремительно распахнув входные двери, не обращая никакого внимания на вытянувшегося перед ним в струнку адъютанта Жака Коллу, вошёл в кабинет генерал-губернатора, положил перед набычившимся, побагровевшим Деку бумагу на японском и не терпящим возражения, гавкающим голосом потребовал немедленного перехода всех французских сил, расквартированных в Индокитае, под высокое командование микадо. Задыхающийся от шока адмирал оказался в состоянии лишь отрицательно помотать головой, после чего был под руки, тычками прикладов в спину, выведен из кабинета и препровождён в один из казематов жёлтого здания с наглухо закрытыми ставнями. Под неусыпный надзор безжалостного капитана Ичигавы.

Когда Деку оказался за решёткой, его вразнобой приветствовали голоса французов из соседних камер. Из их обрывочных реплик, перед адмиралом постепенно вырисовывалась ужасающая картина. Сначала, в Лангшоне весь офицерский состав был приглашён японцами на праздничный банкет, после которого все до единого французы, присутствовавшие на обеде были коварно обезглавлены молниеносными ударами острых как бритвы самурайских мечей. Во всех других частях Индокитая французские казармы были одновременно атакованы формированиями армии Ямато, их гарнизоны тут же расстреляны и перерезаны. Лишь трём генералам удалось спастись вместе со своими воинскими частями благодаря паническому бегству в сопредельные области Китая и Лаоса. Но перед тем как бежать, они тщательно и методично расстреляли всех до единого пленных коммунистов. Особенно отличился Алессандри.

На следующий же день молодой император Бао Дай объявил из Хюэ об отмене договора с Францией о протекторате и распорядился начать формирование марионеточного правительства, под покровительством Японии, и новых структур исполнительной власти на местах из числа активистов вьетнамских национал-социалистических организаций. Минода, сменивший Деку в кресле генерал-губернатора, Кошиншины, назначил своего старого боевого товарища Ииду комиссаром «Авангардной молодёжи». Собрав на крупной манифестации в Шолоне членов этой массовой организации, одетых в униформы и декоративно вооружённых заточенными бамбуковыми кольями, тот зачитал им своё обращение на

вьетнамском, в котором объявил о конце колониального рабства и о начале новой эры, во время которой каждый из присутствующих будет обязан служить делу процветания Великой восточной Азии. «Каждый вьетнамец старше тринадцати лет, любящий свою Родину обязан вступить в ряды «Авангардной молодёжи», чтобы служить интересам своей страны!», воскликнул он, и его речь потонула в продолжительных овациях. У этих людей уже сформировалась устойчивая привычка к продолжительным аплодисментам и громкому выражению согласия – они подчинились микадо так же, как до этого маршалу Петэну, в конце концов, какая разница? Отныне «Авангардная молодёжь» была обязана помогать японцам в очистке территории после союзных бомбардировок, оказывать неотложную помощь пострадавшим, убирать трупы.

Ну и повезло же нам с Рене, что на тот момент нам ещё не было тринадцати!

17.

Из тревожных перешёптываний взрослых, нам, детям становилось ясно, что грядут большие перемены. Индокитай был заочно поделен лидерами союзных государств антифашистской коалиции на конференции, в Потсдаме. По настоянию Сталина капитуляцию японцев в Тонкине и Аннаме до шестнадцатой параллели должны были принять китайские националисты из армии Чан-Кайши. В обмен советский генералиссимус согласился на то, чтобы аналогичные действия у нас в Кошиншине были предприняты войсками вице-короля Индии, графа Маунтбаттена Бирманского. Особенно беспокоился дядя Нам. Он почему-то думал, что англичане, придя из Бирмы, прикроют торговлю опиумом, несмотря на то, что при французах она приносила в национальный бюджет четверть всех доходов. Потихоньку он сплавил тётю Фын в лечебницу для душевнобольных. К тому времени от её бывшей красоты уже не оставалось и следа. Она вся как-то высохла, выцвела, пожелтела, её скулы заострились, а выразительные некогда глаза, пленявшие дядю, помутнели, утратили всякое выражение и провалились в темнеющие впадины глазниц. По утрам, до получения очередной дозы опиума она поминутно ёжилась, кутаясь в шерстяное одеяло, и то и дело потряхивала головой, словно бы подзывая нас к себе. На неё было жутко смотреть и, откровенно говоря, я испытал облегчение, когда её увезли на карете скорой помощи.

Дядя Нам продолжал покуривать трубку-другую в сутки, но употреблял теперь гораздо меньше, в строгом соответствии с предписаниями врача, заходившего к нам два раза в день и коловшего дядю в задницу витамины. Когда я заносил к нему в спальню лекарства и оставлял их на столике у массивной, резной кровати, заставленной термосами, чайничками и чашечками, он теперь узнавал меня, иногда гладил по головке и обещал, что, мол, «когда это всё закончится», я, наконец, встречу со своей мамой. «Бедный малыш», вздыхал он, но, как мне казалось, слегка притворно. Освободившись от своих обязанностей по опиумокурильне, я дни напролёт бесцельно катался по центральным улицам на своём любимом велосипеде, вплоть до наступления темноты и комендантского часа.

Японцы готовились к обороне. Привычным стало зрелище полуголых пленных французов, сбитых лётчиков ВВС США, загорелых до красноты, подобно варёным ракам, которые день и ночь неустанно рыли траншеи для японцев под их неусыпным присмотром. Им запрещали прерывать работу даже во время бомбардировок, что превращало их в живые мишени для союзников. Союзники в те дни бомбили ежедневно. Над городом повис густой, плотный смог от дыма пожаров. Наше бомбоубежище находилось довольно далеко от дома, в публичном доме в нескольких кварталах от нас. По иронии судьбы у проституток было гораздо больше шансов на спасение и выживание. Так как сирены, возвещающие о налётах, взывали порой десятки раз в день, мы не всегда успевали туда. В этих случаях мы прятались дома под кроватями и столами, накинув на себя для надёжности ещё по несколько матрацев.

Когда мне удавалось улизнуть из дома, чтобы поколесить по городу, перед моими глазами раскрывались картины настоящего ада. Всюду валялись трупы. Их собирали комму-

нальные мусороуборочные машины, чтобы отвезти на общее кладбище – земли под могилы уже не хватало.

Однажды, проезжая мимо Ботанического сада, я заметил, что он буквально переполнен огромным столпотворением японских солдат и офицеров. Мне почему-то показалось, что они решили опять устроить массовую казнь французов. Весь центр города словно бы затих тогда, и эту недобрую тишину прорезал лишь резкий, гавкающий голос какого-то высокопоставленного офицера. На удивление, парк не был оцеплен оцетинившимся штыками каре, и, оставив велосипед у оградки, я кустами прокрался поближе. Все фонарные столбы по периметру парка были оборудованы новенькими репродукторами и надменный, отрывистый голос доносился именно из них. Говорящего не было видно нигде, но сад был переполнен стройными рядами офицеров усевшихся на колени и покорно склонивших головы в белых повязках. В центре соборща, в кругу офицеров находилось пятеро сановитых вельмож, одетых в традиционные белые кимоно. Среди них я узнал капитана Ичигаву. Я решил, что они молятся какому-то японскому богу, а по радио к ним обращается какой-то хитрый дядя, решивший их разыграть и заставивший их поверить, что он и есть этот бог. Когда голос умолк, те пятеро в белом, как ни в чём не бывало, в наступившем гробовом молчании, прокричали «Да здравствует император!», после чего быстро выхватили свои мечи, воткнули их себе прямо в пузо и начали резать себя как бы напополам – я был уже на расстоянии вытянутой руки и видел это лично, клянусь! Особенно мне запомнились вылезавшие из орбит глаза Ичигавы, находившегося ближе всех ко мне, потому что, ещё продолжая резать самого себя как бы на две половины, он обернулся в мою сторону и сразу же привычно намётанно и цепко перехватил мой испуганный взгляд из-под сени трепетавших листочков кустарника. Он открыл, было, рот, и я решил, что он сейчас же распорядится схватить и увезти меня в жёлтое здание на Катина, но из него лишь хлынула чёрная кровь, и в этот момент другой дядя в форме рядового отрубил ему голову. Я помню, что сразу же начал пятиться ползком назад, подобно раку, но не помню, как добрался до своего велосипеда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.